

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Взаимодействие разных аспектов структуры языка с особенной яркостью обнаруживает его живое функционирование и выявляет многие еще латентные процессы. Интерес к межуровневым отношениям, очень характерный для многих отечественных ученых¹, был ослаблен в 40—50 годах идеей герметичности структурных уровней, особенно популярной в дескриптивном языкознании. В последнее десятилетие генеративный принцип построения грамматики смягчил границы между явлениями фонологии и морфологии, морфологии и синтаксиса, синтаксиса и лексики, подчинив их единой цели порождения предложения. Это заострило внимание исследователей на промежуточных уровнях строя языка, в частности на сочленении синтаксической конструкции и ее лексического наполнения. Область «стыковки» синтаксиса и лексики представляет особый интерес, поскольку именно здесь закладывается семантическая основа предложения.

Лексические и лексико-семантические ограничения на сочетаемость слов

Проблема соединения слов имеет два аспекта — лексический и семантический — которые не всегда ясно разграничиваются.

Подходя к указанной проблеме с лексикологических позиций, исследователь интересуется прежде всего норма-

¹ См., например: *В. Н. Ярцева*. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968; *В. В. Виноградов*. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в строе языка. «Мысли о современном русском языке». М., 1969.

тивной стороной сочетаемости слов в предложении. Основной целью такого анализа, если оставить в стороне обращение к контексту для снятия полисемии слов², является выяснение особенностей комбинирования лексических единиц не в силу их значения, а скорее, напротив, независимо от их смысла. Так, в лексическом ракурсе рассматривается и специфика сочетаемости слов с тождественным или близким значением (ср. *коричневое платье, каштановые волосы, карие глаза, каурая лошадь*) и дистрибуция слова, реализующего в словосочетаниях разные значения (ср. *крутая гора, крутое айцо, крутой кипяток, крутой нрав*). В такой или сходной постановке указанная проблема разрабатывается в лексикологии (ср. многочисленные наблюдения В. В. Виноградова и фразеологов его школы над несвободной сочетаемостью слов), а также в структурной и отчасти генеративной грамматике: в дистрибутивной доктрине, в теории лексических валентностей³, при изучении синтагматического аспекта речи, в связи с лексическими параметрами А. К. Жолковского и И. А. Мельчука, способствующими упорядочению описания позиционно обусловленных реализаций аналогичных смыслов, при определении избирательных ограничений поверхностного уровня в порождающей грамматике (см. ниже). Исследования этого типа чаще всего оперируют словом, взятым в его исторически сложившейся целостности. На их основе могут быть сформулированы правила образования сочетаний, не нарушающих лексического узуса, и, следовательно, дан ответ на вопрос, является ли данное высказывание правильным относительно нормы, но для них нерелевантен вопрос о причинах запрета того или другого сочетания.

В область изучения лексической сочетаемости слов входят фразеологические обороты большей или меньшей сте-

² Этот аспект проблемы сочетаемости хорошо разработан Н. Н. Амосовой, выдвинувшей понятия переменного и постоянного контекста как «указательного минимума», т. е. минимальной смыслообразующей комбинации слов (см.: *Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии*. Л., 1963, стр. 22—121).

³ Большой вклад в разработку теории лексических солидарностей, потенциалов или валентностей наряду с советскими лингвистами внесли немецкие ученые В. Порциг, Э. Лайзи, В. Шмидт, Г. Хельбиг, В. Шенкель и др. См., например: «*Beiträge zur Valenztheorie*». Halle, 1971 (В этот сборник вошли статьи советских германистов Н. Ф. Иртеневой, Б. А. Абрамова и М. Д. Степановой).

пени спаянности. Ср. *с бору, да с сосенки, без году неделя, как в воду опущенный, как снег на голову, как обухом по голове, как бельмо на глазу, тихой сапой, отводить душу, играть первую скрипку, слышать звон, да не знать где он*. Идиомы не монтируются в процессе речи из отдельных элементов, а используются говорящими как целостные словесные блоки, соответствующие единому смыслу. Поэтому, как правило, внутри них избегаются замены одних слов другими, близкими по значению, словами. Подстановки и даже перестановки слов могут помешать узнаванию идиомы и, следовательно, правильному восприятию ее смысла. Едва ли, например, говорящий без заминки отождествит такие выражения, как *без году месяц, без веку день* или даже *без году семь дней*, с фразеологизмом *без году неделя*, или выражения *как в реку (озеро, пруд) погруженный* с фразеологическим оборотом *как в воду опущенный*. Если вместо идиомы *сидеть у моря и ждать погоды*, обозначающей вынужденное бездействие, мы скажем о ком-либо, что он *сидит в порту (или гавани) и ждет погоды*, то наше сообщение истолкуют скорее в прямом, нежели фигуральном, смысле. Если, вместо того, чтобы употребить фразу *он не бросает слов на ветер*, мы сказали бы, что *он не бросает речей своих на вьюгу (бурю, метель, ураган, пургу, шторм и т. п.)*, а вместо *на птичьих правах* говорили бы о *гусиных правах*, вместо *остаться на бобах* — *остаться на горохе* и т. д., то нас либо не поняли бы вовсе, либо, догадавшись о нашем коммуникативном намерении, приняли бы за иностранца. Даже изменение порядка элементов фразеологизма, может поставить в тупик адресата речи. Ср. *Щеки у нее были молоко с кровью* (вместо *кровь с молоком*).

Таким образом, залог правильной идентификации фразеологизма в его стабильности. В этом случае можно считать, вслед за Н. Н. Амосовой, что указательным минимумом, для выявления значения слова служит постоянный контекст ⁴.

Впрочем, в известных пределах, устанавливаемых положенным в основу идиомы образом, варьирование слов в составе фразеологизмов допустимо. Ср. *как снег на голову (на лысину, на макушку)*; *как пыльным мешком ударенный (пришибленный, прибитый)*; *как будто с луны (неба)*

⁴ Н. Н. Амосова Указ. соч., стр. 58 и след.

упал; гора (бремя, тяжесть) свалилась с плеч⁵. Следовательно, лексическая сочетаемость слов внутри фразеологизмов не является абсолютно фиксированной

К сфере лексических норм соединения слов относятся, наряду с собственно фразеологией (идиоматикой), полностью или частично грамматизованная перифрастика, в которой обычно фигурирует глагол, удовлетворяющий грамматическому (часто, фазовому) значению сочетания, и имя, несущее основной лексической «заряд». Ср. *оказывать влияние, поднимать скандал, учинять допрос, вести следствие, иметь намерение, вести борьбу, завязывать отношения, вступать в контакт, играть роль, заключать перемирие, приходиться к соглашению, выносить (объявлять) благодарность (выговор), принимать (выносить) постановление, оказывать сопротивление, приходиться к соглашению* и т. п. В подобных перифразах, эквивалентных глаголу, хотя и разложимых на два значения, варьирование компонентов (особенно, глагольного) допустимо лишь в очень узких, заданных пределах, за которыми оно воспринимается уже как нарушение лексической нормы, подлежащее исправлению (ср. **поднимать сопротивление, *приходиться к перемирию, *играть значение, *поднимать допрос* и пр.).

Еще более свободна сочетаемость компонентов клише, или словесных штампов. Стабильность клишированных выражений не считается обязательной, она отвечает скорее установившемуся узусу, чем норме. Ср. *выйти в свет* (о книге), *гонка вооружений, трудовая вахта, служба быта, турнирная орбита, вносить вклад* (ведь можно было бы и *вносить*) *в дело, желать крепкого здоровья* (ведь можно было бы и *сильного* — ср. *слабое здоровье*), *закончить строительством, творческий подъем, творческое горение, соблюдать чистоту и порядок, любимое место отдыха трудящихся* и т. п.

По мере того, как мы переходим от идиом к словосочетаниям, элементы которых в той или иной степени обособлены друг от друга, и можно говорить о том, что они выбираются не совместно, а порознь в процессе развертывания содержательной стороны речи, встает проблема зависимости выбора одного слова от выбора другого, свя-

⁵ В. Н. Телия. Вариантность идиом. «Устойчивость и вариантность фразеологических единиц». Тула, 1972.

занного с ним элемента. Последний обычно бывает доминирующим, поскольку его выбор предшествует выбору данного слова.

Ограничения на сочетаемость есть, таким образом, условия выбора слова для выражения заданного смысла при наличии альтернативных решений. Эти ограничения могут быть: 1) собственно лексическими и 2) лексико-семантическими. В первом случае выбор детерминирован таким фактором как присутствие другого слова, осуществляющего семантическую доминацию и обозначающего опорное (выбираемое ранее) понятие. Во втором случае выбор определяется не столько доминирующим словом как целостным языковым знаком, сколько той категорией реальных, к которой оно относится. Этот последний тип ограничений на сочетаемость лежит на грани между лексическими (формальными) нормами соединения слов и семантическими (связанными с природой денотата) закономерностями выбора смыслов.

В сочетаниях типа *полный идиот* и *круглый дурак* выбор интенсифицирующего прилагательного предопределен именем (как совокупностью означающего и означаемого), вследствие чего замена определяемого другим, даже близким ему по значению, словом влечет за собой «перевыборы» определения. Так, было бы нарушением не только норм вежливости, но и речевого узуса назвать собеседника *полным дураком* или *круглым идиотом*. Ограничения на сочетаемость, независимые от природы денотата, особенно характерны для конструкций, приспособленных к выполнению предикатной функции (см. подробнее в главе «Коммуникативная функция и значение слова»). Фиксация сочетаемости в этом случае напоминает соединение основы с тем или другим аффиксом в процессе деривации, когда при наличии синонимических суффиксов словообразующая основа останавливает свой выбор на одном из них, скрепляя себя с ним прочными узлами.

Несколько иной характер носят условия выбора прилагательного из уже приводившегося ряда цветовых обозначений — *карий*, *коричневый*, *каштановый*, *каурый*. Приняв в качестве носителя цвета орган зрения, говорящий детерминирует этим выбор определения из числа прилагательных, соответствующих нужному участку цветового спектра: «глаза» указывают на прилагательное *карие* (а не *коричневые* или *каштановые*). Точно так же «волосы»

притягивают к себе прилагательное *каштановые*. Определяет выбор здесь однако не слово, рассматриваемое как элемент кода, а скорее тот референт (денотативный класс), к которому оно относится (см. ниже о референтных пресуппозициях). Каким бы именем мы ни обозначили глаза и волосы, это не повлияет на выбор определения. Ср. *карие* *очи*, *каштановая* *коса* (*прядь*, *чолка*, *грива*), *каштановый* *локон* (*завиток*, *шмьон*, *парик*). Можно сказать *каштановый* применительно к шерсти животного и даже шкуре, но превратившись в мех или пальто, шкура меняет свой цвет на *коричневый*. Точно так же шерсть, приняв форму пряжи или кофты, становится коричневой. Однако, хотя выбор прилагательного здесь определяется не словом, а природой референта, связь цвета с фактурой материала уже не воспринимается как столь «кровная» и неразрывная, чтобы можно было говорить о существенных семантических различиях между приведенными прилагательными: цвет вообще ощущается как автономное, более или менее независимое от природы субстанции понятие. Это подтверждается безграничной сочетаемостью обозначений цвета, образованных от названий предметов (ср. *вишневый*, *малиновый*, *сиреневый*, *гороховый*, *оливковый*, *розовый*, *бирюзовый*, *янтарный*, *рубиновый* и пр.). Исключения составляют масти лошадей, которым свойственна причудливая окраска, и отчасти «масти» людей. Поэтому, если в приведенном ряду прилагательных искать семантическую специфику, то она прежде всего и с очевидностью проступает в слове *каурый*, а затем и с меньшей силой в прилагательном *каштановый*.

Таким образом, ограничения на сочетаемость слова, могут относиться к лексическому и референтному уровню. Чем очевидней влияние на выбор слова денотативного класса (а не тех лексических единиц, которые его обозначают), тем больше оснований говорить о смысловом своеобразии элементов, образующих одно семантическое поле. В значении слова, обозначающего статический или динамический признак предмета, начинают с большей или меньшей ясностью проступать физические (или иные) свойства субстанции. Ср. *сыпаться* (о зернистой массе, крупинках), *литься*, *течь* (о жидкости), *пить* (то, что жидко), *есть* (то, что не жидко), *разбить* (стекло), *разорвать* (ткань, бумагу), *сломать* (палку, грифель), *расколоть* (сахар, орех).

В тех случаях, когда референтные различия сходят на нет, а специфика сочетаемости сохраняется, предпочтение той или другой лексической единицы ставится в зависимость уже не от свойств денотативного класса, а от его словесного обозначения, т. е. меняется сам принцип выбора слова. Ср. *пить сок*, но *есть бульон* (хотя и сок и бульон оба обладают признаком жидкости, т. е. в равной степени не требуют жевания). Фиксация глаголов в определенных сочетаниях обычно не вполне произвольна. В приведенном примере выбор может быть обусловлен другими, сопутствующими основной характеристике процесса, чертами, например, целью действия: пьют обычно для утоления жажды, а едят для утоления голода. Поскольку бульон не относится к категории напитков и его употребляют для насыщения, с ним естественней сочетать глагол *есть*. По этой же причине в деревнях обычно *едят молоко*. Другая черта ситуации, влияющая на фиксацию глагола, касается способа совершения действия: бульон, подобно супу, едят ложкой из тарелки или бульонной чашки. Изменение способа принятия пищи может отразиться на выборе глагола (ср. *выпить стакан бульона*).

Если с исчезновением референтных различий сочетаемость перестает быть связанной, между словами складываются отношения свободного варьирования, благоприятные в принципе для развития синонимии. Ср. *есть / пить компот*, *есть / пить кисель*.

Любопытно, что употребление глаголов *пить* и *есть* не вполне соотносимо с функционированием глаголов *положить* и *налить* (еду, питье), для которых, так же как и для первой пары глаголов, существен признак *жидкое / нежидкое*, но, в отличие от глаголов *пить* и *есть*, нерелевантны названные выше сопутствующие черты. Это обстоятельство нарушает параллелизм сочетаемости. Ср. *есть суп (борщ, бульон)*, но *наливать суп (борщ, бульон)* в тарелку; *есть (реже, пить) компот (кисель) — наливать компот (кисель)* в чашку. Сочетание *положить суп*, которое стало бы в пару с сочетанием *есть суп*, имеет локальный характер. На юге России, в отличие от общелитературного стандарта, по отношению к дискретной и смешанной (жидко-твердой) массе применяется глагол *сыпать* (ср. *насыпать картошку, суп, кашу*). Употребление этого глагола также нарушает параллелизм между *есть — пить* и *класть — наливать*.

Наблюдения над фактами, подобными приведенным, наталкивали многих лингвистов на мысль о наличии между словами семантического согласования, или лексических солидарностей. Следует напомнить, что задача изучения «правил сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы», была поставлена в русской лингвистике Л. В. Щербой еще в 1931 г.⁶ В последнее время важность этой области исследований для семасиологии, лексикологии и лексикографии подчеркнул В. В. Виноградов⁷.

Еще гораздо раньше наблюдения над явлениями⁸ постоянной совместной встречаемости слов в тексте привели Н. В. Крушевского к выделению особого типа отношений между словами, именно, связей, основывающихся на ассоциации по смежности, которые он противопоставил другому типу отношений — отношениям в силу ассоциации по сходству, предвосхитив тем самым известную мысль Ф. де Соссюра о синтагматических и ассоциативных (впоследствии названных парадигматическими) отношениях между элементами языка. «Нетрудно открыть и другие связи между словами, — писал Н. В. Крушевский, — Так, например, слова *он через улицу лошадь под уздцы* возбуждают в нашем уме слово *ведет*. Точно так же действительный глагол возбуждает в нас имя в форме винительного падежа, частица *если бы* — глагол с окончанием прошедшего времени, слово *износить* возбуждает слово *платье, обувь*, слово *внести* — *деньги, нанести* — *оскорбление, одержать* — *победу*, точно так же возбуждают друг друга такие слова, как *собака* и *лаять*, *лошадь* и *ржать* и проч. Такая способность слов возбуждать друг друга основана на психическом законе ассоциации по смежности: мы привыкаем употреблять данное слово чаще с одним, нежели с другим, словом»⁸.

Разрабатывая теорию лексических зависимостей в духе идей В. Порцига, Е. Косериу определяет семантическую солидарность как наличие в значении одного слова

⁶ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. «Изв. АН СССР», отд. общ. наук, 1931, прим. 1.

⁷ В. В. Виноградов. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка, стр. 5.

⁸ Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 65.

указания на значение другого, опорного для него слова. Поскольку предикатные слова (глагол и прилагательное) призваны характеризовать объект действительности, а не значение определяемого слова, было бы правильнее, как кажется, говорить не о лексических солидарностях, а о семантической специфике предикатных слов, состоящей в их референтной ограниченности, т. е. в том, что они обозначают признак, выделяемый только в определенном классе объектов. Это уточнение относится к самой постановке проблемы семантического согласования. Речь может идти не об указании значением признакового слова на значение опорного слова, а об указании на класс объектов, соответствующих определяемому слову.

Солидарности, по Е. Косериу, основаны на том факте, что единица, относящаяся к одной парадигме, выступает в качестве дифференциального признака другой парадигмы. Например, *дерево*, входя в парадигму 'растений', дифференцирует элементы парадигмы, состоящей из глаголов *срезать*, *ломать*, *срывать* и др., в которой, благодаря «дереву», фигурирует глагол *валить*. Е. Косериу выделяет три типа лексематических зависимостей, различающихся между собой объемом сочетаемости: сродство, селекцию и импликацию. В первом случае, в качестве дистриктивной черты, ограничивающей сочетаемость слова, фигурирует класс предметов, с названиями которых оно может соединяться. Так, лат. *senex* служит определением только обозначений людей. Во втором случае, дистриктивную черту, ограничивающую сочетаемость слова, составляет архилексема, присутствующая в значении всех его «партнеров». Так, глагол *ездить на...* может соединяться с именами разных классов, объединенных общим значением (архилексемой) 'сухопутное средство передвижения'. В третьем случае, т. е. при лексематической импликации, дистриктивная черта, определяющая сочетаемость слова, совпадает с целиком взятой лексемой детерминирующего слова. Так, прилагательное *гнедой* может сочетаться только с обозначениями лошади⁹. Меж-

⁹ Е. Косериу. Лексические солидарности. «Вопросы учебной лексикологии и лексикографии». М., 1969, стр. 97 и след.; см. также: Е. Coseriu. Les structures lexématiques. «Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur», 1968, Heft I (Neue Folge), стр. 15—16:

ду первым и третьим типом солидарности мы не усматриваем существенных различий.

В. Г. Гак, одним из первых среди советских лингвистов обратившийся к изучению семантической сочетаемости, исходит из того, что в значении соединенных между собой слов должен присутствовать один и тот же смысловой компонент — общая сема, или синтагма, повторное употребление которой служит целям организации содержательной стороны высказывания¹⁰. Это положение, как и изложенные выше мысли о семантических солидарностях наиболее применимы к случаям, когда существует только один способ проявления предмета или материи в действии или состоянии определенного типа (например, движении). Так, масса, состоящая из несвязанных между собой частиц, как упоминалось выше, может только сыпаться. Действие, передаваемое глаголом, в этом случае вполне однозначно характеризует свойства предмета. Поэтому, вместо того, чтобы говорить о крупчатой, дробной или дискретной массе, говорят о *сыпучих телах*, а вместо того, чтобы характеризовать вещи как хрупкие, более принято говорить о *бьющихся предметах*, определяя структуру и свойства материи по ее проявлению в действии (ср. также *ползучие гады*). В подобных случаях повторение в глаголе значения дискретности или хрупкости материи излишне¹¹. Но оно становится существенным, когда глагол *сыпаться* выходит за пределы сочетаемости с именами сыпучих тел (ср. *осыпать упреками, дождь сыпал, дети высыпали на улицу, сыпать словами, осыпать ударами* и пр.), а глагол *разбиваться* употребляется не с названиями хрупких предметов (ср. *разбить сердце, надежды, планы* и пр.).

Примеры: *Имена новейших ученых, с прибавлением года рождения или смерти каждого из них, заглавия только что вышедших брошюр, вообще имена, имена, имена — дружно посылать с его языка, доставляя ему самому высокое наслаждение, отражавшееся в его запыхавших глазах* (Тургенев); *В спорах как начнет она сыпать обидными словами* (А. Н. Толстой); Ср. также *сыпать* —

¹⁰ В. Г. Гак. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. Докт. дисс. М., 1967; *Он же*. К проблеме семантической синтагматики. «Проблемы структурной лингвистики — 1971». М., 1972, стр. 375 и сл.

¹¹ В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, стр. 379.

‘отбивать ногами мелкую дробь’ (*Эх, сыпь, Семеновна, да подсыпай, Семеновна*).

Таким образом, смысловые особенности глаголов, характеризующих строго определенные категории предметов, особенно заметны при выходе за пределы привычного круга сочетаемости. А. Белый, специально изучавший стиль Гоголя, отметил, между прочим, что Гоголь в целях «повышения энергии действия» иногда меняет стандартные глаголы при именах, прибегая к таким сочетаниям как *пот валится, водопад сыпался*¹². Наряду с указанным А. Белым стилистическим эффектом, изменение сочетаемости, по-видимому, выполняло у Гоголя и определенную семантическую функцию: предложение *водопад сыпался* обращало внимание на «зернистость», распыленность водяной струи, на то, что она разбивалась в брызги. Это подтверждается и образом водопада как осыпающейся горы у Державина. Ср. *Алмазна сыплется гора | С высот четыремя скалами*. Выбор глагола *сыпаться* определялся не столько характером движения, сколько особенностью движущегося вещества. Точно так же, если бы мы употребили сочетания *песок (уголь) лился* или *тек, зерно потекло в закрома*, то подчеркнули бы этим сплошность перемещающейся массы. Итак, изменения глагола в приведенных примерах достаточно, чтобы изменить представление о структуре самой материи.

Приведенные примеры показывают, сколь постепенен процесс расчленения ситуации, следы которого устойчиво сохраняются в значении слов, образуя как бы контур разрыва, нарезку, задающую точную форму присоединяемого фрагмента. Разделив понятие движущейся массы и понятие движения, язык в то же время продолжает связывать характер движения со свойствами приведенной в движение материи¹³. Это создает в сочетании дан-

¹² А. Белый. Мастерство Гоголя. М.—Л., 1934, стр. 202.

¹³ Любопытно обратить внимание, что «сильное» семантическое согласование слов далеко не всегда бывает следствием нерасчлененности ситуации, а может возникать в экспрессивных целях, отражая, по словам М. М. Покровского «способность социологической наблюдательности». Так, одно и то же действие может обозначаться разными глаголами в зависимости от категории субъекта: ср. *портной настегался* или *наутюжился*, *сапожник наступался*, *музыкант наканифолился*, *барин налимонился*, *лакей нализался*, *солдат употребил* (примеры М. М. Покровского). См.: М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. М., 1959,

ных понятий известную семантическую сплошность. Если «семантическая насечка» не стирается в процессе словооборота, то область сочетаемости признаков слов (глаголов, прилагательных, наречий) остается очень узкой. Ср. *ёкнуть* (только о сердце), *зжмурить* (только глаза), *укусить* (только при помощи зубов). Последний пример показывает, что некоторые действия, могут быть выполнены при помощи только одного, естественного, орудия или органа, специально предназначенного природой для определенной цели (ср. *смотреть* и *видеть глазами*, *слушать* и *слышать ушами*, *думать головой* или *мозгами*, *жевать* и *кусать зубами*, *говорить языком*, *нюхать носом*, *лизать* и *лакать языком* и пр.). В этих случаях сама природа вещей исключает возможность расширения сочетаемости слов с орудийными именами. Подобные ограничения отражают структуру мира, а не особенности его языковой модели или лексического узуса. Указание на соответствующие органы при названных глаголах совершенно излишне. К нему прибегают только при эмфазе (ср. *видеть своими глазами*, *слышать собственными ушами*) или при необходимости дополнительной индивидуализации органа (*посмотреть большими серыми глазами*, *укусить острыми зубами*).

У подобных глаголов указание на орудие создает конститутивный признак значения, устранение которого повело бы к ликвидации самого слова. Значение глаголов *лизать* и *лакать* невозможно себе представить, если из него «вырвать» язык. Е. Косериу называет такого рода зависимости односторонними, или внутренними, солидарностями, которые он противопоставляет многосторонним, или внешним, солидарностям, образующим парадигмы. Ср. *лаять* (о собаках), *ворковать* (о голубях), *чирикать* (о воробьях), *ржать* (о лошадях), *мычать* (о коровах), *блеять* (об овцах) и т. д.¹⁴ Обращаясь к примерам, в которых ограничения на сочетаемость отражают скорее устройство мира, чем структуру языка, мы постепенно оставляем область лексической сочетаемости слов и вступаем в сферу сочетаемости смыслов (этому вопросу посвящен

стр. 39. — В этих случаях семантические ограничения на сочетаемость обычно легко расплываются (ср. широкую сочетаемость с субъектом глаголов *нализаться* и *употребить* в современной русской речи).

¹⁴ Е. Косериу. Лексические солидарности, стр. 99.

раздел «Семантические ограничения на сочетаемость слов» настоящей главы).

Правила, фиксирующие лексические ограничения на сочетаемость, имеют статус нормы. Их нарушение свидетельствует о недостаточном владении языком или его литературным стандартом. Правила, определяющие сочетаемость с высокой степенью вероятности выбора, не столь строги. Их нарушение может свидетельствовать о различиях в семантике, либо о метафорическом употреблении слова. Оно характерно для художественной речи.

Итак, регламентированная лексическая сочетаемость слов обнаруживает себя в идиоматике, перифрастике, речевых штампах, клишированных выражениях и т. п. Она относится к области поверхностных структур (т. е. способов реализации смыслов), оценка которых дается прежде всего под углом зрения нормы, узуса, принятого стандарта. Лексическая регламентация соединения слов далеко не всегда может быть обобщена в виде правил широкой сферы приложимости. Она подлежит, поэтому, ведению словаря¹⁵.

Ниже процесс формирования несвободной сочетаемости слов будет проиллюстрирован на материале русских имен со значением элементов психической жизни человека.

Специфика несвободной сочетаемости имен чувств

Богатый материал для наблюдений за образованием норм несвободной сочетаемости слов дают имена отвлеченного значения. Последние соединяются с предикатами второго порядка, образующими достаточно замкнутую и стабильную семантическую сферу. Среди *nomina abstracta* особый интерес представляют в этом отношении названия элементов психической жизни человека — эмоцио-

¹⁵ Ср., например, тип толково-комбинаторного словаря, широко учитывающего факты несвободной сочетаемости слов, который был предложен А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком (см. серию «Предварительные публикации Ин-та русского языка АН СССР»). Теоретические основания словаря изложены в кн.: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, стр. 36—55.

нальных состояний и переживаний, настроений, ощущений желаний и пр., сочетаемость которых в большой степени основывается на различных образных представлениях, метафоре.

Специфика слов этой группы состоит в том, что, будучи именами абстрактного значения, они в то же время далеки и от пропозитивной семантики, тесно связанной с временными и видовыми параметрами, характеризующими событие. Такие имена, как *совесть, воля, опыт, душа, сердце, ум*, обозначая константы психики, уже не воспринимаются как произведенные от предикатов. Они как бы обозначают «предметы» психического мира. Сфера обслуживающих их прилагательных и глаголов не принадлежит целиком к области предикатов абстрактных (пропозитивных) имен, но в то же время она не определяется свободным соединением наименований непосредственно наблюдаемых явлений.

Названия преходящих психических состояний, как правило, вторичны, т. е. соотносительны с глаголами. Однако, по аналогии с константами психики, они имеют тенденцию к отрыву от глагольного значения и часто функционируют как имена актантов — участников драм и мистерий, разыгрывающихся на «внутренней арене».

Говоря о психике, мы вообще склонны экстериоризировать ее составляющие — чувства, страсти, желания, волю, ум, рассудок, душу, сердце, совесть, стыд, мечты, опыт, веру, воспоминания, надежды, пороки, добродетели, раскаяние, страдание и др., представляя их не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим «я» в определенные, дружеские или враждебные, отношения, как нечто, нам помогающее или вредящее, то как собеседника и советчика, то как врага и мучителя. Компоненты психической жизни взаимодействуют не только с нашим «я», они завязывают отношения друг с другом, образуя заговор, бунтуя, делая человека своим рабом, или, напротив, вступая между собой в конфликты. Известно, например, сколь не ладят между собой рассудок и сердце, совесть и желания, душа и страсти, надежда и опыт, как стремится разум победить эмоции и как часто терпит в этой битве поражение.

Ср. Конечно, страсти дело невольное, да на то у нас душа чтобы с ними бороться (Марлинский); Люблю отчизну я, но странную любовью! | Не победит ее рассудок

мой (Лермонтов); Суров ты был, ты в молодые годы | Умел рассудку страсти подчинять (Некрасов); Ты покачала головой, | Сказав, что болен разум мой, | Жаланьем вздорным ослепленный (Лермонтов); Но вере теплой опыт гладный | Противоречит каждый миг (Лермонтов); Но чувство есть у нас святое | Надежда, бог грядущих дней, | Она в душе, где все земное, | Живет наперекор страстей (Лермонтов).

Названия эмоций фигурируют часто в отрыве от вызвавших данное чувство событий и даже от спровоцировавших его лиц (виновников или объектов чувств). Они рассматриваются как независимая, самодовлеющая величина. В предложениях, включающих имена чувств в качестве своего субъекта, обычно характеризуются их свойства и «действия». Описание внутренней жизни, в частности ситуаций внутреннего разлада и борьбы элементов человеческой психики, их отношений с «глобальной личностью», требует определенного набора атрибутов — прилагательных и глаголов. Для этой цели не всегда пригодны слова в их прямом номинативном значении, поскольку речь идет о воссоздаваемом, а не наблюдаемом мире. Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире, и о п и с ы в а ю т, и в то же время непосредственно с о з д а ю т его. Их изучение, поэтому, проливает свет не только на процесс формирования несвободной сочетаемости слов, но и на структуру и свойства человеческой психики.

Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах.

Отбор предикатов для сообщений о психической сфере обычно диктуется тем общим образным рядом, на основе которого воссоздается духовная жизнь людей.

Так, представление о совести как о когистом и острозубом существе, находящемся во вражде с желаниями и чувствами человека, обеспечивает слову *совесть* сочетаемость с глаголами *грызть*, *кусать*, *царапать*, *впиваться когтями в душу*, *скрести*, *вонзять зубы* и т. д. Могло бы оказаться, что жизнь совести полностью воспроизводит жизнь маленького грызуна. Тогда сочетаемость слова *совесть* повторяла бы сочетаемость имени любого зверька из соответствующего отряда. На самом деле это не так.

«Когтистый зверь» передает далеко не все свои предикаты «совести», и в то же время является не единственным образом, объясняющим лексические валентности этого слова. О многоликости совести можно судить по следующему отрывку из монолога Скупого рыцаря:

Иль скажет сын.

Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, *совесть*,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают.

Пушкин, Скупой рыцарь

Образ совести как «докучного собеседника», а шире, вообще очеловечивание совести, позволяет ей говорить, возражать, спорить, требовать, призывать, корить, укорять, допекать, спать, дремать, пробуждаться, советывать, разрешать, запрещать и пр. Ср. в нем, наконец, заговорила совесть; чувствовать укоры (уколы) совести; прислушиваться к голосу совести; спорить с собственной совестью; поступать вопреки увещеваниям совести; пробудить чью-либо совесть и пр.

Примеры: *А я всю ночь веду переговоры | С неукротимой совестью своей* (Ахматова); *Отдав ему себя, ты не спросилась | У совести своей* (Лермонтов).

Образ совести как врага, преследователя и мучителя человека отражен в сочетаниях типа *его мучает (терзает, преследует) совесть, совесть не дает ему покоя (житья)*. Ср. персонафицированный образ совести-мучительницы, «верного врага» человека, созданный Марк Твенем в рассказе «Кое-какие факты, проливающие свет на недавний разгул преступности в штате Коннектикут». Автор воплощает такие параметры совести как размер и вес, слабость и силу, соответствующие стандартным английским определениям существительного *совесть* (*light, heavy conscience* и др.). Облик совести, таким образом, воспроизведен автором по данным языка.

Представление о совести как о некоторой поверхности, своего рода *tabula rasa*, зафиксировано в сочетаниях *моя*

совесть чиста (незапятнана), у него совесть нечиста, на его совести есть пятно.

Очевидно, что сочетаемость слова *совесть* не моделируется на основе целостного представления. Она возникает путем объединения и скрепления ряда несовместимых с точки зрения естественных законов мироздания образов. Отсутствие полноты и единства аналогии ведет к тому, что набор атрибутов, обслуживающих слово *совесть*, становится фиксированным, закрепленным.

Столь же мозаично окружение слов со значением элементов эмоциональной жизни человека. Оно формируется путем объединения ряда противоречащих друг другу образов. Многоликость чувства тем явственней, чем изменчивей те состояния психики, которые оно вызывает. Наибольшим образным диапазоном, по-видимому, обладает *любовь*. Ср., например:

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует.

То в ивее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя,
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя,

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще не знакомой улыбке.

А. Ахматова, *Любовь*

Ср. также шуточное «Истолкование любви» И. Мятлева: «Что есть любовь? | Спросил меня Петров, | Мой дворник, страж, блюститель дома. | Любовь мне как-то незнакома» | — Неправда, врешь, дурак, | Ты только говоришь не так. | Любовь есть то, к чему душа стремится, | Любовь есть то, чем сердце веселится, | И без чего прожить нам мудро! | «А, понял я: любовь есть пенное вино!». Шутка И. Мятлева построена на неопределенности, социальной обусловленности предикатов *любви*, допускающих подмену субъекта.

Естественно, что чем богаче образная структура чувства, тем шире и гетерогенней набор обслуживающих его

название предикатов. Этот признак отличает, в частности, любовь от ненависти, общепризнанного антонима этого слова. Сфера предикатов, обслуживающих имя *любовь* во сто крат богаче и разнообразней области предикатов имени *ненависть*.

* * *

Говоря в целом об эмоциях и эмоциональных состояниях, следует, по-видимому, считать доминирующим представление о них как о жидком теле, наполняющем человека, его душу, сердце, принимающих «форму» сосуда¹⁶. Ср. следующий шуточный афоризм К. Пруткива: «Почти всякий человек подобен сосуду с краями, наполненному живительною влагою производящих сил».

Любое чувство, настроение, состояние психики имеет тенденцию разрастаться до такой степени, чтобы заполнить собой все «нутро» человека, весь «сосуд» его души или сердца. Душа представляется и как содержание человека, и как вместилище его духовных переживаний. Ср. *Полон чистою любовью* (Пушкин); *Я полон страстною тоской* (Боратынский); *Полон страстным ожиданием* (Лермонтов); *И долго на свете томилась она [душа], | Желанием чудным полна; | И звуков небес заменить не могли | Ей скучные песни земли* (Лермонтов). Ср., впрочем, протест М. Цветаевой против такого словоупотребления по отношению к душе: «Душа не может быть заполнена никем и ничем, ибо она не сосуд, а — содержимое».

Опустошенность человека, отсутствие в нем чувств, сил, мыслей иногда ощущается так, как будто «содержимое» человеческой души было кем-то выпито. Ср. следую-

¹⁶ Ср. замечание В. В. Виноградова о том, что «идущее из библейской мифологии представление чувства как *жидкости* и переживания чувств в образе чаши, из которой или которую *пьет* человек» относится «к области общелитературной семантики дворянского языка (конца XVIII и начала XIX в.), отзвуки которой очень сильны и в современной литературной речи» (В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М.—Л., 1935, стр. 257). О роли этого и других образов эмоций в поэзии Пушкина, а также его предшественников и современников см.: А. Д. Григорьева. Поэтическая фразеология Пушкина. «Поэтическая фразеология Пушкина». М., 1969, стр. 220 и сл. Н. Н. Иванова. Поэтическая «глагольная» перифраза у Пушкина.— Там же, стр. 296 и сл. (некоторые из приводящихся ниже примеров заимствованы у А. Д. Григорьевой и Н. Н. Ивановой).

щие записи в дневнике А. Блока: *Выпитость. На днях, лежа в темноте с открытыми глазами, слушал гул, гул: думал, что началось землетрясение (9—I—1918); Выпитость к ночи. Сыро в комнате. Бушует ветер (опять циклон?) (14—I—1918).*

Свойство «текучести» резко противопоставляет сферу чувств воле, характеризуемой признаком твердости, негибкости, неизбежности, непоколебимости, нерушимости. Противоположное свойство воли, однако, не обозначается антонимами приведенных имен (соотв. прилагательных). Так, принято говорить о *слабой* (но не *мягкой*) воле.

Этот общий для всех эмоций — бурных и тихих, положительных и отрицательных — образ основывается на том, что жидкое состояние вещества наиболее подвижно, изменчиво, легко попадает во власть стихии, имеет многобальную шкалу градаций разных состояний и температур — от штиля до шторма, от ледяной холодности до кипения, и в то же время лишено дискретности. Не случайно, когда человек перестает испытывать спонтанные эмоциональные реакции, говорят, что сердце его *окаменело, одеревенело, окостенело, затвердело, стало жестким, сухим*, т. е. как бы перешло в то «состояние материи», которое лишено подвижной изменчивости жидкого вещества. Ср. *Равнодушие — одеревенение и окостенение сердца* (В. Сухомлинский); *У меня сегодня много дела | Надо память до конца убить, | Надо, чтоб душа окаменела, | Надо снова научиться жить* (Ахматова); *Влачусь угрюмый, одинокий, | Окаменел мой дух жестокий. | И в сердце жалость умерла* (Пушкин).

Эмоции уподобляются текучему телу, некоторому неспецифицированному по составу жидкому веществу, горькому или сладкому, благотворному или вредоносному (яду, отраве), которое человек может пить и изливать. Излияния, впрочем, не всегда уменьшают количество и силу чувства. Душа человека в этом отношении подобна самонаполняющемуся сосуду. Ср. *Источник страсти есть во мне | Великий и чудесный; | Песок серебряный на дне, | Поверхность — лик небесный* (Лермонтов);

Образом «текучих эмоций» порождены такие сочетания, как *излить душу* (печаль, горе), *страсти волнуются в душе, волнение страстей; страсти (чувства) кипят (бурлят), иметь каплю жалости* (любви, снисхождения, уважения),

испытать до дна чашу страданий, облить (окапать) презрением, прилив чувств, накатывать, подкатывать (о горе, тоске), человек брызжет радостью; его радость переливается через край (неисчерпаема, ничем не замутнена), на душе накопело, из глубины души (со дна души) поднялась мусть, в душе остался осадок, водоворот чувств, пучина чувств, вкушать восторг, омут страстей, наплыв чувств, радость бьет ключом (фонтаном), захлебываться радостью (от радости), чувства захлестывают, радость испарилась (иссякла), чувства нахлынули (отхлынули), всплески чувств, хлебнуть горя, волна любви (сострадания, нежности), выплеснуть кому-либо в лицо презрение (ненависть), бояться расплескать переполняющее душу чувство любви, утопать в блаженстве (восторге, неге), купаться в наслаждениях (радости), быть упоенным любовью, жаждать любви.

Иногда страсть уподобляют голоду. Ср. *Страсть — это тот же голод. Восхвалять его могут только обжевшиися. Лечение голоданием* (А. Каштанов, Заводской район). В последнем случае обычно имеют в виду плотскую, а не духовную сторону чувства, желание, а не платоническое влечение. К духу в большей степени относится понятие жажды, а к телу, плоти — голода. Ср. *Духовной жаждою томим / В пустыне знойной я влачился* (Пушкин); *И ты простой возжаждешь красоты* (А. Блок). Противопоставление жажды и голода (имеются в виду фигуральные значения этих слов) в некоторой степени соответствует противопоставлению духа и тела. В выражениях типа *жаждать крови, жаждать мести* следует видеть следы значения *жаждать* — 'сильно хотеть, алкать'.

Можно заметить, что текучесть рассматривается и как свойство души и даже сердца, и как свойство «глобальной» личности (*душа кипит, сердце кипит, человек кипит*), и тогда эмоции выполняют функции волнений души (*душа кипит радостью или от радости, человек вскипает от гнева*), и как свойство самих эмоций (*страсти кипят, чувства кипят*) и тогда в качестве причины эмоций указывается на то реальное событие или лицо, которое их вызвало (*гнев вскипел в нем при этом известии*). Ср. *Я молод был; моя душа | В то время радостью кипела* (Пушкин); *Прочь, прочь, слеза позорная, | Кипи, душа моя! | Твоя измена черная | Понятна мне, змея* (Лермонтов); *Расколышь ты душу! Всю сегодня выпень* (Пас-

тернак); ср. также следующую строчку в переводе А. Мерзлякова «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо: *Вскипел Бульон и в рать потек.*

Образ «жидких», текучих эмоций может быть проиллюстрирован следующими примерами: *Хотела б смертная тоска | Излиться воплем и слезами (Боратынский); Мы пьем в любви отраву сладкую; | Но все отраву пьем мы в ней, | И платим мы за радость краткую | Ей безвесельем долгих дней (Боратынский); Может, я мешаю | Печали вашей волюно изливаться (Пушкин); Ты пьешь волшебный яд желаний (Пушкин); Свеча темно горит; стесняясь сердце поет; | По капле, медленно глотаю скуки яд (Пушкин); В ее объятиях я негу пил душой (Пушкин); До капли наслажденье пей, | Живи беспечен, равнодушен (Пушкин); Если там в пределах отдаленных, | Где душа должна блаженство пить (Лермонтов); Как настоящее, оно [былое] | Страстями бурными обито (Лермонтов); Для этого весною ранней | Со мною сходятся друзья | И наши вечера — прощанья | Пирушки наши — завещанья | Чтоб тайная струя страданья | Согрела холод бытия (Пастернак); И я б опоил тебя чистой печалью (Пастернак); В неизбежном предчувствии горя, | В ожиданьи осенних минут | Кратковременной радости море | Окружало любовников тут (Заболоцкий).*

Лексикон «текучих эмоций», однако, не есть исключительная привилегия поэзии, ср.: ...бессмысленно приговаривал Николай, задыхаясь от неразумной, животной злобы и потребности излить эту злобу (Л. Толстой); Параша отправилась в Киев, ощущая в себе прилив теплого и нежного чувства (Лесков); Кутузов погрузился в ровную, привычную жизнь настолько, насколько ему давали покоя страсти, кипевшие вокруг него (Л. Толстой).

На основе образа «текучих ощущений» создается представление о текучести, «испиваемости» тех впечатлений, которые вызывают эмоции и эмоциональные состояния. Ср. *Теперь с каким она вниманьем | Читает сладостный роман, | С каким живым очарованьем | Пьет обольстительный обман! (Пушкин); Я пил отраву в вашем взоре, | В душой исполненных чертах, | И в вашем милом разговоре, | И в ваших пламенных стихах (Пушкин); И вновь, и вновь твой дух таинственный | В глухой ночи, в ночи пустой | Велит к твоей мечте единственной | Прильнуть и*

*пить напиток твой. | Вновь причастись души неистовой,
| И яд, и боль, и сладость пей, | И тихо книгу перелистывай,
| Впиваясь в зеркало теней (Блок); Пью горечь тубероз,
небес осенних горечь | И в них твоих измен горячую струю.
| Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ,
| Рыдающей строфы сырую горечь пью (Пастернак).*

«Испиваемость» мира, по-видимому, поддерживается идеей чаши бытия. Ср. *Мы пьем из чаши бытия | С закрытыми очами,
| Златые омочив края | Своими же слезами [...]* Тогда мы видим, что пуста была золотая чаша,
| Что в ней напиток был — мечта | И что она не наша (Лермонтов).

Представление об элементах эмоциональной жизни человека как о жидком (а не сыпучем или твердом) веществе исключает такие сочетания, как *кусочек жалости* (впрочем, кажется, допустимо *крошка, крупица жалости*), *накормить восторгом, съесть страдание, высыпать печаль* и пр. Однако и в пределах образа, принятого за основу сочетаемости, далеко не все возможности используются языком, причем некоторые из них блокированы стилем. Так, разрешено *выпить (испить, осушить) чашу, кубок, фиал* (поэт.), *бокал* (поэт.), но не *рюмку, кружку, стакан, чашку, бутылку* и пр. *страданий*. Можно *облить презреньем*, но не *жалостью*. Нельзя измерять чувства литрами, например, говорить о *литре презренья, восторга*, но есть шуточное выражение *ноль внимания, фунт презренья*, говорят также *узнать почем фунт лиха*, хотя жидкости обычно не измеряются фунтами.

Таким образом, даже в кругу одного представления набор «партнеров» для имен чувств и других элементов человеческой психики не свободен.

Интенсивные эмоции принимают вид не только вскипевшей и забурлившей влаги, они чаще предстают в облике вспыхнувшего огня, пламени, бушующего пожара¹⁷, несовместимом в материальном мире с влагой (если от-

¹⁷ А. Д. Григорьева отмечает, что образ огня привлекался поэтами пушкинской и допушкинской поры для характеристики следующих качеств, чувств и состояний: восторга, восхищения, героизма, гнева, досады, дружелюбия, жадности, зависти, злобы, надежды, негодования, отчаяния, рвения, ревности, угрызений совести, умиления, усердия, щедрости, ярости и пр. (А. Д. Григорьева. Указ. соч., стр. 211). О роли образа огня в поэтической фразеологии Пушкина см. также: Н. Н. Иванова. Указ. соч., стр. 309—321.

влечься, разумеется, от горючих жидкостей и от представления о человеке как о своего рода цистерне, полной воспламеняющегося вещества). Человек мыслится скорее как сосуд, в котором горит пламя души. Ср. *А если так, то что есть красота / И почему ее обожествляют люди? / Сосуд она, в котором пустота / Или огонь, мерцающий в сосуде?* (Заболоцкий).

Связь некоторых эмоций с представлением об огне и вызываемом им ощущении жжения, по-видимому, очень глубока. Это подтверждается, в частности тем, что такие имена, как *горе*, *печаль* этимологически связаны в русском языке с глаголами *гореть* и *печь*. Аналогичные этимологические связи характерны и для других языков¹⁸. Даже при отсутствии реальной исторической зависимости слов со значением сильного эмоционального возбуждения от обозначений огня, имени чувства иногда приписывается соответствующая народная этимология, что указывает на органичность ассоциации между понятием огня и некоторыми понятиями эмоционального ряда. Говоря о свойстве рефлексивности поэтического слова, т. е. его «обращенности на самое себя» и о способности поэта открывать в слове «новые, неожиданные смыслы», Г. О. Винокур приводит рассуждение Матвея Кожемякина у Горького: «Вспомнилось, как однажды слово „гнев“ встало почему-то рядом со словом „огонь“ и наполнило усталую в одиночестве душу угнетающей печалью.— *Гнев*,— соображал он,— *прогневаться, огневаться*,— вот он откуда, *гнев* — из *огня*! У кого *огонь* в душе горит, тот и *гневен* бывает. А я бывал ли *гневен-то*? Нет во мне *огня*»¹⁹.

Этот образ вводит в язык такие сочетания, как *пламя* (*жар, пыл, огонь, пожар*) *любви*, *пламенная* (*пылкая, жаркая, огненная, горячая*) *любовь*, *гореть желанием* (*любовью, ненавистью и пр.*), *сгорать от любви*, *пылать страстью*, *страсти испепеляют душу*, *любовь* (*злоба, ненависть и пр.*) *разгорается в сердце*, *страсть* (*любовь, зависть, гнев, ярость, ненависть*) *опалает* (*обжигает*) *душу*, *раздувать страсть* (*огонь страстей*), *разжигать ненависть* (*злобу*),

¹⁸ М. М. Покровский. Соображения по поводу изменения значения слов.— В кн.: М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию, стр. 52—53.

¹⁹ Г. О. Винокур. Понятие поэтического языка.— В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 392—393.

страсть (пожар, огонь страстей) вспыхивает (бушует), любовь разгорается (тлеет) в сердце, чувства, подобно пламени, объемлют (охватывают) человека, искрятся, гаснут.

Глаголы *вспыхивать, тлеть, гаснуть, пылать, гореть* и пр. сочетаются не только с метафорическими выражениями типа *пожар страстей, пламя любви, огонь желаний*, но и непосредственно с названиями эмоций, а также с именами лиц — носителей эмоций и «органов чувств» (*страсти пылают, человек пылает страстью, душа горит, сердце пылает*). В литературном языке XVIII — начала XIX в. была распространена сочетаемость глаголов *гореть, пламенеть, пылать* непосредственно с именем объекта чувств (*пылать, гореть кем*). Ср. *Энеем я пылаю и горю* (Княжнин); *Я сказать тебе не смею, Что давно тобою тлею* (Костров); *Сгораю вся тобою* (Батюшков)²⁰.

Приведем несколько иллюстраций описаний эмоциональной жизни человека, выполненных в «огневом ключе»:

Но в сердце хана чувств иных | Таится пламень безотрадный (Пушкин); *Но угаси сей чудный пламень, | Всеожигающий костер! Преобрати мне сердце в камень | Останови голодный взор* (Лермонтов); *Когда страстей угаснет пламя* (Пушкин); *Но досады жестокой пылая в огне, | Перчатку в лицо он ей кинул* (Лермонтов); *Чей золос выразит сильней | Порывы пламенных желаний?* (Пушкин); *Угрюмый, тусклый огонь желанья* (Тютчев); *Но нет! рассудка не забуду | И на нескромный пламень мой | Ответа требовать не буду* (Боратынский); *В тот давний год, когда зажглась любовь, | Как крест престольный в сердце обреченном* (А. Ахматова); *Прошу, приди | И оживи | В моей груди | Огонь любви* (Лермонтов); *Нет, это не любовь, это страсть безумная, это пожар, в котором я весь горю* (Гаршин); *Нашу любовь... вы не хотите понять; называете это глупостями, ребячеством и на первых порах тушите огонь страсти, который горел бы для вас* (Писемский); *При виде спящей разгорелась в нем страсть* (Достоевский); *Любовь, поддерживаясь, подобно огню, непрерывным движением, исчезает купно с надеждою и страхом* (К. Прутков); *Мне вечность заглянула в очи | Покой на сердце низвела, | Прохладной влагой синей ночи | Кос-*

²⁰ Н. Н. Иванова. Указ. соч., стр. 313.

тер волненья залила (Блок); *Когда ты злобен, или болен, тоской иль страстию палим | Поверь: тогда еще ты волен | Гордиться счастьем своим!* (Блок); ... *дай тоске и скуке | В тебе копиться и гореть* (Блок); *Когда же грусть твою погасит время* (Блок).

Если минимальное количество чувства, рассматриваемого как влага, жидкое вещество, есть капля (*капля жалости, капелька любви*), а максимальное — море, океан (*океан страстей, море радости*), то чувство-огонь измеряется в другой «палате мер и весов», по шкале от искры до бушующего пожара. Ср. *Все, в чем хоть искра есть страданья!* (Лермонтов).

Образ чувства-ветра позволяет говорить о *буре страстей, порывах любви, опаляющем дуновении страсти, о шквале, циклоне, вихре чувств*, о том, что чувства обуревают.

Ср. *Но что ж! — от цели благородной | Оторван бурю страстей* (Лермонтов); *Любил и я в былые годы. | В невинности души моей, | И бури шумные природы | И бури тайные страстей* (Лермонтов); *Что нам известно: не гроза страстей | Ему дала болезненный т'т цвет* (Лермонтов); *Порыв страстей и вдохновений* (Лермонтов); *Она ушла. Стоит Евгений, | Как будто громом поражен.* | *В какую бурю ощущений | Теперь он сердцем погружен* (Пушкин); *И дикой свежестью и силой | Мне счастье веяло в лицо* (Ахматова); [*Версильов*] *был под влиянием какого-то вихря чувств* (Достоевский); *Такая буря чувств, мыслей, воспоминаний вдруг поднялась в его душе, что он не мог спать* (Л. Толстой).

Чувство-пожар и чувство-буря могут быть объединены в общий образ с т и х и и, разрушительных сил природы. Этим образом, в котором акцентируется неконтролируемая сила эмоций, их стихийность, спонтанность, независимость от воли и сознания (разума) человека, порождены сочетания с глаголами *подниматься, разрушать, уничтожать, опустошать, бушевать, разбушеваться, свирепствовать, разыграться, сметать, развеивать*. Ср. *Горе не на шутку | Разыгралось, навеселе* (Пастернак); *Огонь любви, огонь живительный!* | *Все говорят: но что мы зрим? | Опустошает, разрушительный, | Он душу, объятую им* (Боратынский).

Эмоции предстают не только как вещества, пребывающие в тех или иных состояниях, не только как стихий-

ные силы природы, они весьма часто оборачиваются существом, наделенным даром речи, незаурядной силой и способным зародиться, родиться, жить (быть живым), дышать, шевелиться, расти, расцветать, дремать, спать, пробуждаться, просыпаться, петь, говорить, нашептывать, лгать, обманывать, заманивать, посещать, поселяться в сердце (душе), быть убитым, умирать, воскресать, приходить, стучаться в сердце, хватать, отпустить, уходить, быть похороненным, оставлять след. Чувство-существо можно воспитывать, давать ему волю или обуздывать.

Отрицательные эмоции, причиняющие душевную боль, охотно грызут, терзают, гложат, сосут, кусают, жалят, впиваются в сердце, колят, ранят, точат, пронзают сердце, режут по сердцу, жгут. «Орган чувства» (сердце, душа) может ныть, щемить. Этот ряд глаголов передает душевные ощущения по образцу физических ощущений боли (ср. выражение Гейне «Зубная боль в сердце»), т. е. их сочетаемость с названиями чувств (или вызвавших то или другое чувство причин) не есть непосредственное следствие персонификации эмоций. Ощущение физической боли обычно описывается глаголами, обозначающими чье-либо внешнее, механическое воздействие. Ср. — *А как ты себя чувствуешь, когда болит? — Когда-то у Оли действительно болел живот и на такой вопрос она, к восторгу бабушки, ответила: «Как будто меня волк ест»* (А. Каптанов, Заводской район).

Приведем несколько примеров сочетаемости названий чувств, восходящей к их персонификации: *Невинной деве непонятен | Язык мучительных страстей, | Но голос их ей смутно внятен* (Пушкин); *И звук высоких ощущений Он давит голосом страстей* (Лермонтов); *И никогда на шопот искушенья | Не преклонился я, хоть я не трус* (Пушкин); *И постепенно в усыпленье | И чувств и дум впадает он* (Пушкин); *Опять сравнивается вода | Страсть не воскреснет никогда* (Лермонтов); *На нем ты видишь след страстей уснувших* (Лермонтов); *На сердце у нее столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо ее выражало одно только сильное смущение* (Гоголь); *В тебе говорит беспокойное чувство, его зовут ревность. Ты должен его в себе уничтожить.* (Лесков); *Во мне простое чувство справедливости заговорило, а вовсе не родственное* (Тургенев).

И здесь образ чувств может быть перенесен на причины, вызывающие те или иные душевные состояния, вследствие чего предикаты эмоций начинают сочетаться с названиями событий. Ср. *Разлука их обоих съест, | Тоска с костями сложит* (Пастернак). Встречаются употребления, в которых место события занимает имя предмета-каузатора. Ср. *Я долго не решался забираться в одиночестве на чердак: нежилая, конструктивная архитектура охватывала меня страхом* (К. Петров-Водкин).

Наряду с приведенными, можно встретить и многие другие образы эмоций, которые варьируются в зависимости от характера и типа чувства, его силы, продолжительности, положительности или отрицательности и других свойств, а также от того, какая сторона чувства акцентируется в сообщении²¹. Если подчеркивается богатство чувств, то может быть использован образ рудоносной жилы, плодородной земли. Ср. *Разве хмурый твой вид передаст | Чувств твоих рудоносную залежь, | Сердца тайно светящийся пласт?* (Пастернак).

Пагубные, вредоносные чувства сравниваются с болезнью, недугом или их «источником» — ядом, отравой, заразой. Ср. *Пусть я кого-нибудь люблю: | Любовь не красит жизнь мою. | Она как чумное пятно | На сердце жжет, хотя темно* (Лермонтов); *Гладила утренний ветер | Золотое лицо. | И мучительной страсти и ревнивой беды и любовной напасти | Он стирал все следы* (В. Луговской). Этим сопоставлением продиктована сочетаемость типа *переболеть любовью, страдать любовью, вылечиться (выздороветь) от любви, мучиться завистью (ревностью), лекарство от ревности (любви), напасть любовная, лихорадка любви, любовная зараза, ревность (злоба) отравляет (язвит) душу, бактерия любви (ревности), любовное зелье*.

Скоротечность, иллюзорность, обманчивость некоторых эмоций (любви, дружбы) приводит к сравнению с метеором, падучей звездой, дающему сочетания названий чувства с глаголами *блеснуть, промелькнуть, пронестись*. Ср. *Как метеор в вечерней мгле, | Она [любовь] очам моим блеснула. | И бывши все мне на земле, — | Как все земное обманула* (Лермонтов).

²¹ Подробно о системе образов, символизирующих различные эмоции в поэзии допушкинской и пушкинской поры, см.: А. Д. Григорьева. Указ. соч., стр. 209 и след.

Образ страсти-лавы объясняет сочетание *страсти* *клокочут в груди*. Образ чувства-бремени выявляется в сочетаниях *тоска давит, угнетает, испытывать тяжелое чувство, на душе лежит тяжесть (груз), бремя страсти*. Если подчеркивается общий «тон» чувства, его положительный или отрицательный характер, оно рассматривается в световом ракурсе: свет противопоставляется мраку (туману, туче, тьме, мгле и пр.). Этому противопоставлению язык обязан сочетаниями: *радость осветила (озарила) его лицо, сиять от радости, просиять от удовольствия, рассеять печаль (тоску, кручину), разогнать тоску, его лицо помрачнело (омрачилось), грусть затуманила взор, луч надежды (веры) осветил ее жизнь*.

Резкий переход от спокойствия к возбужденному состоянию обозначается сочетанием *взрыв чувств*, предполагающим сравнение сдержанного спокойствия с твердью (ср. также *его прорвало*). Эти сочетания обычно относят к внешним проявлениям эмоций.

Эти и другие образы оказывают сравнительно небольшое влияние на состав атрибутов, обслуживающих названия чувств.

Параллелизм приведенных выше стандартизованных представлений не только формирует основной контингент предикатов, сочетающихся с названиями эмоций, но является также источником синонимии. Ср.: *чувство загорелось — вспыхнуло — родилось — проснулось — заговорило; чувство потухло — угасло — умерло — уснуло — смолкло, чувства кипят — пылают — бушуют — клокочут; буря страстей — пожар страстей — вихрь страстей — кипение страстей — накал страстей; капля любви — искра любви; он брызжет весельем — искрится весельем; чувства перекипают — перегорают*.

Итак, сочетаемость названий эмоций в значительной своей части диктуется образными представлениями, метафорой. На основе ряда понятий — влаги, огня, ветра, живого существа и др. — возникает некий сводный образ чувства, выявляемый в наборе противоречащих друг другу с точки зрения логики предметного мира предикатов. Создается подчиненный особой логике мир души. Предложения, которые в их прямом смысле были бы квалифицированы как аналитически ложные (т. е. ложные в силу противоречивости значений входящих в них слов), применительно к жизни души не только истинны, но и точны.

Ср. *Но Боже! как и грали страсти | Его послушною душой! | С каким волнением кипели | В его измученной груди! | Давно ль, на долго ль усмирели | Они проснут с я: погоди!* (Пушкин); *При виде спящей разгорелась в нем страсть, а затем схватила его сердце мстительная, ревнивая злоба* (Достоевский) — в этом предложении различие в типе предиката связано с противопоставлением разных по своему типу чувств; *Узнаю я спокойствие, оно, | Наверно, много причинит вреда | Моим мечтам и пламень чувств убьет* (Лермонтов); *Недремлющий голос совести не переставал грызть меня* (Л. Толстой); *...так точно | И сердце: в нем все жив огонь, но люди | Его понять однажды не умели, | И он в глазах блеснуть не должен вновь | И до ланит он вечно не коснется* (Лермонтов); *Что с тобой вдруг, сердце, стало? | Что ты ноешь? Что опять | Закипело, запыхало? | Как тебя растолковать? | Все исчезло, чем ты жило, чем так сладостно грустило? | Где беспечность, где покой?... | Ах, что сделалось с тобой?* (Жуковский); *Ах! Если бы я способ отыскал, | Как оживить, воспламенить статую, | Как влить в нее любовь такую, | Какую я, бессмысленный, горю...* (И. Мятлев); *Любовь, от рава наших дней, | Бегит толпой обманчивых мечтаний* (Пушкин); *В ней [душе] пламень радости горит, | И изливается рекою, | Как дань любви перед тобою* (И. Мятлев).

Такие предложения возможны потому, что образы, являющиеся источником предикатов, определяющих имена чувств, тускнея, перестают быть препятствием для контаминации, скрещивания метафор. Даже в языке поэзии, ближе стоящему к первоначальному образным представлениям, появляются сочетания типа *пить огонь, лить жар, горит яд любви, пить огонь отравы сладкой* и т. п.²²

Как уже отмечалось, характерной чертой предложений, включающих названия эмоций, является их способность весьма по-разному представлять диспозицию актанта в изображаемой ситуации²³. Ср. *Он светился от радости* —

²² А. Д. Григорьева. Указ. соч., стр. 219—220.

²³ Синтаксические свойства русских глаголов чувств обстоятельно описаны в работе Л. М. Васильев. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. «Очерки по семантике русского гла-

радость светилась в его глазах — его глаза светились от радости (радостью). Ср. *Хоть, может быть, притворная печаль | Блестела в этом взоре* (Лермонтов); *Все темно вокруг; Тоской, сомнением | Надменный взгляд его горит* (Лермонтов).

Предикаты эмоций в большинстве случаев лишены жесткой связи с определенным семантическим классом субъекта. Так, многие глаголы допускают сочетаемость с рядом, образуемым именем чувства, именем носителя чувства, именем «органа» чувства, именем органа, выявляющего чувство, именем способа выявления чувства: *страсть пылает (в душе) — человек пылает страстью — душа (сердце) пылает страстью — взор (взгляд) пылает страстью — глаза (очи) пылают страстью* — и даже *чувства пылают (горят) страстью*. Ср. *Страны, где пламенем страстей | Впервые чувства разгорались* (Пушкин). Функцию дополнения, как отмечалось, могут выполнять не только имена эмоций, но и имена, обозначающие причины чувств.

* * *

Изучение области предикатов, обслуживающих названия элементов психической жизни, показывает, что она формируется в виде свода слов, заимствованных из принципиально разных семантических сфер: области предикатов имен предметов и веществ, атрибутов, раскрывающих свойства стихий и сил природы, области предикатов абстрактных (событийных) имен и, наконец, слов, предикатируемых к именам лиц²⁴. Столь же неоднородны синтаксические модели, применяемые для сообщений о состоянии человеческой психики: русский язык пользуется в этих целях безличными предложениями, подчеркиваю-

гола». Уфа, 1971. См. также: *Н. И. Шапилова*. Глаголы чувств в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Кемерово, 1967; *С. Е. Мьяльникова*. О глаголах чувств в современном русском языке. «Лексикограмматические проблемы русского глагола». Новосибирск, 1969.

²⁴ Это свойство прослеживается уже в способах выражения лексических функций слов поля чувств, указываемых в толково-комбинаторном словаре А. К. Жолковского и И. А. Мельчука. См. статьи Л. Н. Иорданской к словам *надежда, отчаяние, сердце, страх* в публикации Института русского языка АН СССР «10 словарных статей толково-комбинаторного словаря русского языка» (М., 1971).

щими аналогией эмоций с неконтролируемыми явлениями природы (глагольный тип — *На сердце накопело*, номинативный — *Тоска*), и личными — переходными и непереходными, в которых место актантов могут занимать имена различной семантики (см. выше). В предложениях, построенных по личной схеме, таким образом, отсутствует жесткая соотнесенность между семантической функцией и синтаксической позицией актанта.

Изучение области предикатов имен чувств (шире, элементов психики) показывает, сколь велика роль в процессе ее создания культурно-исторического багажа народа (поэзии, художественной литературы, мифологии, фольклора)²⁵. Ведь раскрытие внутреннего мира людей составляет одну из основных тем и задач художественного творчества. Поэтому именно в этой сфере пользования языком и возникает потребность в разработке точных и тонких способов сообщений о мире души, именно здесь вырабатывается нужный для выполнения этой задачи лексикон.

В целом создание лексики и грамматики чувств есть результат великого усилия человека познать самого себя.

Семантические ограничения на сочетаемость слов

Наряду с собственно лексической и лексико-семантической сочетаемостью слов, о которой шла речь до сих пор, предметом изучения могут быть закономерности соединения смыслов, входящих в состав пропозиции²⁶. Эта

²⁵ Проблема изучения «образно-идеологических основ» лексики Пушкина (в частности, используемого им «языка чувств») в связи с общелитературными нормами того времени была поставлена В. В. Виноградовым. Говоря о группах слов, относящихся к внутреннему миру человека, В. В. Виноградов отмечает, что «все эти семантические группы жили напряженной литературной жизнью в конце XVIII — начале XIX века, потому что внутри их происходил процесс «нейтрализации» церковно-библейской мифологии и приспособления ее к *mentalité* еуроре́не, к идеологии буржуазно-дворянского европейского общества (преимущественно французского)» (В. В. Виноградов. Язык Пушкина, стр. 257—258).

²⁶ См., например: Ю. Д. Апресян. Об одном правиле сложения лексических значений. «Проблемы структурной лингвистики. 1971». М., 1972.

область исследований, относящаяся скорее к уровню глубинных, нежели поверхностных, структур, была стимулирована логиками, поставившими задачу разграничения ложных и бессмысленных, т. е. нарушающих семантическую систему языка, предложений, по отношению к которым не применима истинностная оценка. Под влиянием логико-философских разысканий, обсуждение разных типов семантических аномалий вошло в круг лингвистических интересов. В генеративной грамматике постепенно определились следующие проблемы, относящиеся к указанной тематике: понятие правильности предложения, степень неграмматичности высказываний, правила, исключающие порождение неприемлемых предложений.

В первых работах Н. Хомского грамматический аспект правильности решительно отделялся от смысловой стороны предложения, что отвечало его идее автономности грамматики²⁷. Позднее, в связи с общим процессом семантизации синтаксиса и задачей порождения не только структурно, но и семантически корректных высказываний, это противопоставление стало гораздо менее резким. Именно Хомский в явном виде сформулировал задачу разработки правил, которые бы обеспечивали порождение предложений, приемлемых для носителей языка и сделал в этом направлении первые шаги. Хомский ввел в синтаксический компонент порождающей грамматики два рода правил: правила строгой субкатегоризации и правила селекции. По образцу фонологического анализа подклассы (субкатегории) частей речи определяются Хомским в виде набора семантических различительных признаков, таких, как абстрактность, исчисляемость, нарицательность, одушевленность и др. (для существительных). Присутствие в значении слова этих признаков записывается в виде комплексного символа, соответствующего определенной семантической категории слов. Например, комплексный символ '+ неисчисляемость, — абстрактность' служит для обозначения веществ (*пыль, вода, воздух*). Правила селекции основаны на внешних различительных чертах, таких, например, как сочетаемость с прямым объектом и одушевленным субъектом

²⁷ Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 416—421.

для глаголов. Эти показатели вводятся в комплексный символ в виде указания на синтаксическую позицию; например, — *NP* есть показатель переходности глагола, его способности сочетаться с именной фразой в функции дополнения²⁸.

Таким образом, Хомский изучал и определял нормы совместной встречаемости слов с позиций структурного языкознания прежних лет. Он пользовался, в частности, идеями фонологии и дистрибутивной теорией дескриптивистов, с которой его связывала поздняя концепция З. Хэрриса, перекинувшего мостик от дистрибутивной доктрины к идее совместной встречаемости (соосцигенсе) классов единиц²⁹.

Когда от школы Хомского отпочковалось направление так называемой генеративной семантики, проблемы семантической сочетаемости слов и правильности предложения стали решаться этим новым течением скорее в духе идей современной логики, нежели структурного языкознания. Так, Дж. Мак-Коли обратил внимание на то, что для синтаксического описания избирательных ограничений потребовалось бы огромное количество дифференциальных черт, которые не могут найти себе места в грамматике. Мак-Коли предложил, поэтому, исключить правила избирательных ограничений из синтаксиса и поместить их в семантическом компоненте порождающей грамматики.

Тем самым, наряду с синтаксическим подходом Хомского, определилась семантическая концепция генеративистов. Суть последней, в версии Ч. Филлмора и Дж. Мак-Коли, состоит в следующем. Правила выбора должны формулироваться не как указания на ограничения, налагаемые одной единицей на сочетающиеся с ней единицы, а как пр е с у п о з и ц и и о т н о с и т е л ь н о р е ф е р е н т о в смежных элементах. Например, ограничение, налагаемое на объект глаголом *diagonalize*, состоит в том, что предмет, обозначенный в объекте этого глагола, должен иметь свойство матрицы. Нарушение правил сочетаемости связано с противоречием между референтными

²⁸ Н. Хомский. Аспекты теории синтаксиса. Пер. с англ. М., 1972, стр. 70—101.

²⁹ З. Хэррис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 530—536.

пресуппозициями и тем, что утверждается в предложении, т. е. ведет к отступлению от семантического согласования. Такой подход, как отмечает Мак-Коли, позволяет учесть и ограничения, налагаемые лексическими единицами на самих себя. В слове *холостяк* значение «не состоящий и не бывший в браке» относится к утверждаемому, а компоненты значения 'человек', 'мужского пола', 'взрослый' образуют пресуппозиции употребления слова. Эти последние признаки устанавливают референтные самоограничения: слово *холостяк* может быть отнесено только к взрослому мужчине, но не, например, к взрослой женщине, ребенку или животному³⁰.

Мысль Мак-Коли была поддержана С. Куродой, который, однако, возражал против исключения из синтаксиса тех правил избирательных ограничений, которые связаны с категорией рода, представляющей собой синтаксически релевантную черту имени, очень существенную для процессов прономинализации³¹.

Идеи, близкие изложенным, уже присутствовали в логических концепциях, относящихся к XII—XV вв. Средневековые логики, изучая отношение между глаголом и его дополнением, предложили различать понятия материального и формального объектов. Материальным объектом называется референт дополнения. Формальный объект характеризуется тем свойством материального объекта, которое должно в нем с необходимостью присутствовать для того, чтобы он мог испытать на себе соответствующее действие. Под формальным объектом, таким образом, имелся в виду класс предметов, определяемый по тому признаку, которым должен обладать предмет, чтобы над ним было произведено действие, обозначенное данным глаголом³². Так, действие по глаголу *есть* стоит направлять только на предмет, обладающий признаком *съедобности*, действию *жесть* могут быть успешно подвергнуты лишь предметы, характеризующиеся *горючестью*. В боль-

³⁰ J. D. McCawley. Concerning the base component of a transformational grammar. «Foundations of language», 1968, v. 4, N 3, стр. 265—268.

³¹ S.-Y. Kuroda. Remarks on selectional restrictions and presuppositions. «Studies in syntax and semantics». Dordrecht, 1969, стр. 138—149.

³² См.: A. Kenny. Action, emotion and will. London, 1963, стр. 189 и след.

шинстве случаев признак формального объекта обозначается прилагательным, выведенным из соответствующего глагола. Менее тривиальны описания формальных объектов прилагательными, деривационно не связанными с глаголом. Так, *чистить* можно только то, что наделено признаком *грязности*. Формальный объект глагола *сушить* описывается как 'все то, что мокро', глагола *разводиться* как 'собственная жена', глагола *красть* — как 'чужая собственность'.

При наличии антонимических пар прилагательных глаголы со значением «придавать предмету данное свойство» имеют в качестве своего формального объекта класс предметов, обладающих противоположным свойством. Ср. *сушить мокрое* и *мочить сухое*, *грязнить чистое* и *чистить грязное*, *удлинять короткое* и *укорачивать длинное*, *суживать широкое* и *расширять узкое*, *опьянять трезвого* и *вытрезвлять пьяного* и пр.

Поскольку глаголы-конверсивы не различаются между собою по сочетаемости с дополнением, их формальный объект может получать одинаковое описание (ср. *посылать* и *получать посылку*, *делать* и *принимать предложения*, *покупать* и *продавать товары*, *подарить* и *принять подарок*). Однако более естественно было бы, как и в случае с антонимическими парами прилагательных, выводить признак формального объекта из соотносительного глагола (ср. *покупать то, что продается*; *получать то, что прислано*; *брать то, что дают*; *давать то, что берут*).

Итак, охарактеризовать формальный объект действия значит определить ограничения на семантическую сочетаемость глагола через указание на свойство предмета (или события), обозначенного в его объекте. Эти ограничения могут накладываться по разным параметрам: времени (*прошлое событие* для глаголов *вспоминать*, *мстить*, *раскаиваться*, *будущее событие* для глаголов *надеяться*, *ожидать*, *бояться*), места (*отсутствующее* для глагола *скучать*, *присутствующее* для глагола *наслаждаться*), оценки (*плохое* для глаголов *раскаиваться*, *бояться*, *хорошее* — для глаголов *гордиться*, *завидовать*, *надеяться*).

Лингвистическая релевантность понятия формального объекта подтверждается тем, что процесс обобщения и абстрагирования семантики дополнения, протекающий в языке, приводит к преобразованию материального объекта в формальный (ср. *вспоминать прошлое*, *скучать по*

отсутствующим). Определения формальных объектов, отделяясь от управляющих ими глаголов, постепенно создают классификацию предметов по их отношению к производимым над ними действиям, т. е. по страдательному признаку (ср. *съедобное, горючее, курево, питье, еда, товары, продукты, подношения, «чтово»* и др.) Если формальный объект характеризуется более чем одной чертой, то обобщение может протекать в двух направлениях (ср. *надеяться на будущее* и *надеяться на лучшее, бояться будущего* и *бояться дурного*).

Можно дать и совокупное определение формального объекта по всем присущим ему чертам. Ср. *раскаиваться в содеянном зле, надеяться на лучшее будущее, завидовать чужому добру, бояться будущего зла*. Именно в таком духе определяли формальный объект эмотивных глаголов средневековые схоласты, следовавшие в этом за Аристотелем. К сказанному можно прибавить, что когда речь идет о формальных объектах подобных глаголов, необходимо предварять признаки упоминанием об их субъективном характере. Мы надеемся на то только, что *считаем* добром, боимся того, что *считаем* злом, раскаиваемся только в том, что *считаем* дурным и т. п. Для глаголов, обозначающих непсихические акты, такое упоминание излишне: высушить можно все то, что мокро, независимо от убеждений и восприятия субъекта³³.

Признаки, характеризующие формальный объект, соответствуют компонентам значения глагола, образуя между глаголом и именем связующее семантическое звено (синтагмему, по В. Г. Гаку, — см. выше о семантических солидарностях). Чем меньше таких общих признаков, тем более обобщенным является значение глагола. Так, например, глаголы *думать* и *говорить* практически лишены семантической специфики в выборе объекта, поскольку говорить и думать можно о чем угодно.

Таким образом, уже в логике схоластов были сделаны попытки определить условия построения семантически

³³ А Кенну Указ. соч., стр. 188—194. См. также Л. Н. Иорданская. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 13. М., 1970, стр. 6. Специально о формальных объектах глаголов чувств (на примере чувства страха) и их роли для идентификации эмоций см. J. Tietz. Emotional objects and criteria. «Canadian Journal of Philosophy», 1973, v. III, N 2.

правильных объектных сочетаний (приведенные выше соображения могут быть распространены и на сочетания с субъектом глаголов изменения состояния).

* * *

Вернемся, однако, к построению правильных высказываний. Проблема избирательных ограничений тесно связана с вопросом о степени грамматичности предложений (т. е. их структурной и семантической приемлемости), а также о типах отклонений от стандарта. Дж. Кац, например, делает различие между полуосмысленными предложениями и предложениями бессмысленными. Содержание последних, в отличие от первых, не может быть воспринято носителями языка. Ср. *The beef cut sincerity* 'Мясо резало искренность'³⁴. В этом предложении место дополнения при глаголе физического действия занимает *possem qualitatis*, т. е. не соблюдено правило распределения синтаксических мест между именами предметного и событийного (абстрактного) значения.

Нарушение этого же правила можно встретить и во многих других предложениях, принимаемых за своеобразный эталон абсолютной семантической «неизменяемости». Так, П. Сюрен в качестве образца неграмматического высказывания приводит следующее предложение: *The cigarette spoke two apples under the yellow hour* 'Сигарета говорила два яблока под желтым часом'³⁵. В этом предложении допущено несколько нарушений семантической конгруэнтности слов. Сочетание *сигарета говорила*, хотя и не может соответствовать реальному событию, применимо к ситуациям антропоморфического мира. Сочетание *желтый час* может оказаться приемлемым при метафорическом осмыслении определения (ср. *черные дни*, *черная пятница*). Те черты, которые действительно «возмущают» сознание, состоят в смешении временных и пространственных категорий (*говорит два яблока* и *говорит под желтым часом*). Если поменять местами эти существительные, то предложение восстановит согласование между синтаксическими функциями (обстоятельством места и времени)

³⁴ J. Katz. «Semi-sentences». — В кн.: «The structure of language». Englewood Cliffs, 1964.

³⁵ P. Seuren. Operators and nucleus. Cambridge, 1969, стр. 15.

и их лексическим содержанием (предметным и абстрактным именем) и приобретает приложимость к миру сказок: *Сигарета говорила два желтых часа под яблоками*.

Итак, анализ отклонений значения предложения от семантического стандарта показывает, что наибольшая степень неприемлемости создается смешением предметно-пространственных и событийно-временных категорий. Удаленность друг от друга названных понятий выражается, в частности, в том, что они не могут быть в общем случае связаны предикатом, обозначающим тот или иной тип отношений (если оставить в стороне предикаты субъективной оценки)³⁶. Соединяемые реляционным предикатом имена должны обладать хотя бы одним общим семантическим признаком, который бы составил основание для сравнения, чего нет у понятий предметно-пространственного и абстрактно-временного планов. Высказывания типа *Собака умнее красного цвета; верста длинее часа; этот человек весел как хрупкость* основаны на семантической несообразности, называемой в логике категориальной ошибкой и не могут быть истолкованы в прямом смысле.

Таким образом, указанные две понятийные сферы — предметно-пространственная и событийно-временная, выделены с таким расчетом, чтобы между ними отсутствовала или была минимальной область пересечения, хотя в действительности оба параметра (временной и пространственный) в одинаковой степени присущи миру и его составляющим. Если считать, что выделение и соотношение категорий, связанных прежде всего с параметрами пространства, и понятий, осмысляемых во временной протяженности, отражают законы мышления, то наиболее отдаленными от семантического канона оказываются высказывания, нарушающие законы соединения именно этих категорий.

Изложенные соображения позволяют говорить о двух типах собственно семантических отклонений от смысловой правильности высказывания.

Отклонения первого рода могут быть охарактеризованы как эмпирические, или прагматические. Они состоят в обозначении аномальной, не соответствующей

³⁶ На этом основана шутка об унтер офицере, который приказал солдатам рыть канаву *от забора до обеда*

ющей «устройству мира» ситуации. Ср. *Сигарета говорила; Я купил в парфюмерии два метра небоскребов и веселого ихтиозавра в фарфоровой шляпе.* Ср. также жанр чепухи, построенной на обмене местами актантов при двупозиционных глаголах: *Ехала деревня мимо мужика. Вдруг из-под собаки лают ворота! Выскочила скалка с бабою в руке. Начала дубасить коня на мужике.* В логике такие высказывания принято считать эмпирически ложными, т. е. ложными для данного мира, и в то же время бессмысленными. Их отрицательные корреляты оцениваются как истинные и осмысленные. Ср. *Ложно, что я купил в парфюмерии веселого ихтиозавра в фарфоровой шляпе.* Для того, чтобы стать истинными, предложения с отклонениями этого типа должны быть отнесены к «иным мирам», например к миру будущего или миру сказок. Они и в самом деле составляют неизбежный компонент произведений фантастики (научной и ненаучной). Ср. *Там ступа с бабою Ягой идет, бредет сама собой* (Пушкин); *Все было видно; и даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила, куда нужно, ведьма [...]* много еще дряни встречали они (Гоголь).

Отклонения второго типа могут быть охарактеризованы как а л о г и ч н ы е. Они представлены двумя разновидностями. Первую создают внутренне противоречивые предложения. Ср. известную шутку: *Жил высокий человек маленького роста Был кудрявый, без волос, тоненький как бочка. Посмотрел на облака: там землетрясение. Вынул книжку записал: завтра воскресенье.* Такие предложения обладают признаком аналитической ложности (т. е. ложности в силу значения). Отрицательные корреляты этих предложений истинны. Ср. *Ложно, что жил высокий человек маленького роста.* Вторая разновидность алогичных предложений порождена нарушением семантического абсолюта, н е п р е л о ж н ы х н о р м ч е л о в е ч е с к о г о м ы ш л е н и я. Именно предложения, нарушающие универсальные законы мышления, могут рассматриваться как лишённые смысла, именно к ним неприменима истинностная оценка. Логический статус

их положительной и отрицательной формы одинаков: они представляют собой нонсенс, набор слов, значения которых несовместимы. Ср. *Упрямяство думает лампу через два цветка*.

Три выделенных типа отклонений от семантического канона создают соответственно небылицы, глупость и бессмыслицу. Если первые две разновидности могут быть использованы в целях шутки, мистификации, поэтической зауми, то бессмысленные предложения, нарушающие строй и способ человеческого мышления, ни в каких естественных целях не возникают. Их придумывают логики и лингвисты.

Человек, плохо владеющий языком, часто нарушает лексический узус и лексические нормы сочетаемости слов, но он никогда не совершает семантических ошибок, поскольку смысловые принципы, определяющие структуру означаемого предложения, являются общими для всех языков. Их общность обеспечена с одной стороны единством мира, а с другой — единством человеческого мышления. Говоря о закономерностях языка, отражающих природу мышления, уместно напомнить следующие слова В. Г. Белинского: «Мы знаем, что каждый язык, отдельно взятый, основан на непреложных законах, и что все языки, несмотря на их различие, основаны на одних и тех же началах, почему человек одного народа и может выучиваться языку другого народа» («Очерки Бородинского сражения». Соч., т. IV, стр. 402).

Реакция на нарушение лексического узуса и норм сочетаемости обычно имеет форму поправки или указания на то, что так не говорят. Содержательно такие сочетания, как *она женилась на Пете, заяц окотился, художник рисует маслом, коричневые глаза*, в которых нарушены лексические ограничения на сочетаемость слов с одинаковым или очень близким значением, правильны. Их смысл понятен носителям языка.

Совсем иной характер имеет реакция на предложения, семантика которых не может быть усвоена.

Услышав высказывания с нарушениями эмпирической правдоподобности адресат будет сначала озадачен, потом попытается отнести их смысл к миру фантастики, или истолковать входящие в них слова иносказательно, локализовав их смысл в мире поэзии. Он может принять также сообщение как шутку или розыгрыш.

Алогичные предложения адресат либо отвергает как «уму непостижимые», либо ищет путь к их пониманию в семантическом преобразовании слов, восстановлении пропущенных смысловых звеньев.

Каждый из названных типов отклонений требует особого к себе подхода. Поэтому прежде чем формулировать правила, исключаящие порождение некорректных высказываний, полезно уточнить, какие именно аномалии имеются в виду. Так, для определения лексической сочетаемости слов, а также формулирования правил создания эмпирически верных высказываний, очень важно деление имен на обозначения лица и не-лица (антропонимы и неантропонимы)³⁷. Для того, чтобы исключить неправильности, нарушающие законы мышления, необходимо прежде всего различать существительные конкретно-предметного и абстрактно-событийного значения. Антропонимы на фоне этого последнего деления обнаруживают семантическую двойственность: они могут входить в оба класса, идентифицируясь в тексте (т. е. по занимаемой ими в предложении позиции) то с конкретной, то с событийной лексикой (см. подробнее ниже).

Далее пойдет речь только о семантических закономерностях универсального типа (или иначе, наиболее общих правилах семантического согласования), отражающих структуру человеческой мысли. Будут рассмотрены три типа отношений, участвующих в организации предложения: 1) отношения между значением слова и его синтаксической функцией, 2) отношения между значением глагола и значением актантов; 3) отношения между значением предиката и значением характеризуемого им субъекта. Поскольку семантические закономерности нередко бывают скрыты поверхностной структурой высказывания, мы, прежде всего, обратимся к тем случаям, когда их обнаружение требует специального анализа, т. е. к видимым отклонениям от сформулированных правил.

³⁷ Б. А. Абрамов. О понятии семантической избирательности слов. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969.

Соответствие значения слова его синтаксической функции

Для выяснения общих закономерностей формирования смысловой стороны предложения, важно деление существительных на имена конкретные и отвлеченные, т. е. на обозначения предметов или веществ (масс), мыслимых прежде всего в связи с пространством, и обозначения событий, качеств, действий и состояний, характеризуемых временным параметром. Соответственно этому и синтаксические отношения, термином которых является имя, в принципе распадаются на отношения пространственного и временного плана с последующим развитием первых в объектные (функции прямого и косвенного объектов), а вторых — в логические значения (т. е. значения причины, цели, следствия, условия и уступки). Согласно этой общей системе, семантический тип имени должен соответствовать типу отношения, термином которого оно является. Так, пространственные предлоги подчиняют себе имена конкретного значения, а темпоральные и логические предлоги соотносимые с союзами, управляют именами событийной (пропозитивной) семантики. В этом можно видеть один из примеров совместной встречаемости или согласования лексического значения слова и его синтаксической функции.

В реальном тексте, однако, темпоральные и логические предлоги соединяются не только с именами пропозитивной семантики, но и с конкретной лексикой, нарушая этим *prima facie* смысловую гармонию. Ср. *Я пропустил лекцию и з - за поезда. Он пришел не смотря на ногу. После меня хоть потоп.* Предметные существительные в этих случаях эквивалентны по значению пропозиции³⁸. Они употреблены здесь не в своей основной и первичной, а во вторичной синтаксической функции. Различие между первичными и вторичными функциями предметных и пропозитивных имен может быть проведено по следующему признаку. Там, где конкретная лексика занимает место имен пропозитивного значения (названий качеств, свойств, действий, состояний и пр.), т. е. используется во вторичной функции, она оказывается менее

³⁸ См.: Ю. Д. Апресян. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 304—306.

эксплицитной и в некотором роде менее конкретной, чем слова отвлеченной (пропозитивной) семантики. Если, объясняя причину какого-либо события, говорящий ограничивается именем предмета, то понимание сообщения в большой степени зависит от осведомленности или догадливости адресата. Имя лица или предмета может скрывать за собой любое из возможных качеств, действий или происшествий. Например, *Я задержался из-за книг* = я задержался из-за того, что относил книги в библиотеку / брал книги у приятеля / отдавал книги в переплет / искал затерявшиеся книги / расставлял книги по полкам / вытирал с книг пыль и др.

Итак, смысловая недостаточность слова или словосочетания, «информативный голод», возникающий при его употреблении, свидетельствует о том, что оно занимает место, предназначенное для единиц принципиально иного семантического типа. Для того, чтобы правильно интерпретировать предложение, значения слов, занимающих в нем «не свои места», следует преобразовать в смыслы, соответствующие данным синтаксическим позициям. Ср. *После меня хоть потоп* = после моей смерти (после того, как я умру), хоть потоп; *Вот почему я боюсь теперь к вам приехать, а вовсе не от «плохой комнаты, собаки» и пр.* (А. Блок, Письмо А. Белому) = вот почему я боюсь к вам теперь приехать, а вовсе не оттого, что мне предстоит жить в плохой комнате и меня может беспокоить собака.

Недостающая информация обычно выводится из предтекста или ситуации. Иногда семантический предикат либо имплицитруется именем, либо содержится в определении существительного (см. подробнее ниже).

Если социальные условия делают прочной и однозначной связь конкретного существительного с определенным временем дня, жизни или года, то за именем закрепляется темпоральная семантика. Ср. *вставать до петухов, любить до могилы (по гроб жизни)*. Специально интересуясь проблемой перехода конкретных значений в абстрактные и, в частности, преобразованием предметного значения в темпоральное, М. М. Покровский писал: «Вообще не следует удивляться тому, что язык часто пользуется конкретными именами для обозначения то времени, то самого действия потому, что подобное употребление вызвано потребностями и указаниями действительной реальной

жизни»³⁹. Наблюдения над обширным материалом многих языков привели М. М. Покровского к формулированию следующего семасиологического закона: «всюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определенным временем, имена, соответствующие этим предметам и действиям, или употребляются в качестве темпоральных имен, или даже переходят в чисто темпоральные слова»⁴⁰.

Говоря о переходах конкретных имен в абстрактные, М. М. Покровский подчеркнул связь подобных семантических изменений с переменной синтаксической функции слова. Рекомендую исследовать значение слов по «сферам представления», М. М. Покровский писал: «вместе с тем накопление однородных фактов даст возможность точнее определить законы изменения значения слов и также законы употребления этих слов в предложении, т. е. законы синтаксические»⁴¹.

Обозначение логических и временных отношений лексическими средствами языка не меняет существа дела. Глаголы, содержание которых относится к временной последовательности событий или приближается к функции логической связки, могут сочетать между собой только имена, допускающие развертывание в пропозицию. Предложение *Водопроводчик помешал Петру* сообщает не об отношениях между людьми (Петром и водопроводчиком), а об отношениях между событиями, участниками которых являются люди. Предположим, оно соответствует ситуации «Петр собирался работать, но пришел водопроводчик и ему пришлось отказаться от этого намерения». В этом случае приведенное предложение должно прочитываться как «приход водопроводчика помешал Петру работать». Устанавливаемые логическими глаголами псевдоличностные отношения должны при интерпретации смысла предложения переводиться на язык событий (см. подробнее ниже).

Таким образом, соответствие лексического значения слова и того отношения, термином которого оно является, зиждется на согласовании понятий пространственно-предметного плана с одной стороны, и событийно-временного — с другой.

³⁹ М. М. Покровский. Избранные работы по языкознанию, стр. 43.

⁴⁰ Там же, стр. 30.

⁴¹ Там же, стр. 29.

Семантические отношения между глаголом и его объектом

Семантические отношения между глаголом и его актантами, прежде всего прямым объектом, очень существенны для понимания смысловой стороны предложения. Именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение. Хорошо известно, сколь различны действия, целью которых является создание разных предметов. Поэтому не удивительно, что эти действия обычно обозначаются не одним обобщенным глаголом созидания, а разными глаголами. Ср. *чертить чертеж, точать (шить) сапоги, писать письмо, варить суп, печь блины, лепить горшки*⁴² и пр. Средневековые логики прямо утверждали, что *objectum specificat actum* 'объект определяет действие'.

Тесная связь значения глагола с объектом побудила В. Г. Гака высказать мысль о том, что в индо-европейских языках переходный глагол, грамматически согласуясь с субъектом, вместе с тем находится в семантическом соответствии с объектом, напоминая этим формальную ориентированность переходного глагола на объект в языках эргативного строя⁴³.

Подчеркивая, что английский глагол связывает событие скорее с пациенсом, чем с агенсом, поскольку в результате осуществления обозначаемого им действия (если речь идет о физическом акте) происходят изменения именно в объекте, А. Кенни привел в подтверждение этой мысли тот факт, что при номинализации переходный глагол сохраняет в ближайшей к себе синтаксической позиции объект действия, хотя это место пригодно также и для выражения субъектных отношений. Однако субъект может занимать его только при непереходных глаголах⁴⁴.

⁴² См. об этом: Т. П. Ломтев. Вопросы выбора глаголов при синтезировании предложений на неродном языке. «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972.

⁴³ В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, стр. 389 и след.

⁴⁴ А. Кенни. Указ. соч., стр. 180.— Ср. также замечание В. Г. Гака (со ссылкой на А. С. Чикобаву) о том, что при номинализации русского предложения непереходная конструкция образует оборот с *genetivus subjectivus*, а переходная — с *genetivus objectivus* (В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики, стр. 390). Ср. сделанный на том же основании вывод Л. С. Бархударова о на-

Наиболее общее правило семантического соответствия глагола его объекту сводится к тому, что глаголы духовной (интеллектуальной, эмоциональной, волевой и под.) деятельности, т. е. глаголы, обозначающие процессы, происходящие в субъекте, в логике называемые интенциональными глаголами, а также глаголы слухового восприятия требуют пропозитивных дополнений (придаточных предложений и их номинализаций). Глаголы физического (механического) действия сочетаются с предметными дополнениями (равно как и с конкретными субъектами)⁴⁵. Те глаголы, которые обозначают чувство-действие, т. е. чувство, не замкнутое психикой субъекта, сочетаются с предметным дополнением (ср. *любить*). К этой группе примыкают и другие глаголы, обозначающие интерперсональные отношения и предметно-ориентированные эмоции. Ср. *обожать, ненавидеть, сердиться на кого-либо* и пр. (подробнее см. ниже).

Область, промежуточную между предикатами, выражающими психические акты, и глаголами, обозначающими физические действия, занимают глаголы со значением социальной активности и институциональных действий. Эти глаголы, значение которых нельзя свести ни к психическим, ни к физическим акциям, могут быть разделены на две пересекающиеся группы — личностно-ориентированные и событийно-ориентированные. К первой группе относятся глаголы, обозначающие санкции, вознаграждения, назначения и т. п. Ср. *преследовать, арестовывать, благодарить, награждать, назначать, присваивать звание, представлять к званию, рекомендовать* и пр. Эти глаголы сочетаются с предметным объектом (именем лица). Ко второй группе принадлежат глаголы, обозначающие некоторые виды целенаправленной деятельности социального типа, такие, как *хлопотать, добиваться, протестовать, призывать, бороться,*

лично в русском и английском языках элементов эргативного строя (Л. С. Бархударов. О некоторых синтаксических явлениях при номинализации (именной трансформации) предложений. — НДВШ, Филол. науки, 1973, № 6, стр. 61.

⁴⁵ Различие между категориями глаголов, управляющих предметными и пропозитивными дополнениями, настолько велико, что мена объекта может вести к мене глагола. Так, в романских языках значению 'знать предмет' соответствуют глаголы фр. *connaitre*, исп. *сопосег*, ит. *сопосега*, а значению 'иметь некоторую информацию' соответствуют глаголы фр. *savoir*, исп. *saber*, ит. *sapere*.

руководить, поддерживать, пресекать, запрещать, разрешать, требовать и др. Эти глаголы сочетаются с пропозитивным объектом, близким по функции к обстоятельству цели.

Глаголы зрительного восприятия амбивалентны: они могут соединяться как с предметным, так и с пропозитивным объектом. То же относится к предикатам «внутреннего зрения» (*воображать, представлять себе, рисовать в воображении*), с тем лишь различием, что объект этих глаголов лишен референции к предмету или событию действительности, т. е. имеет интенциональный характер.

Оценочные глаголы также занимают колеблющееся положение, поскольку оценка может быть дана как предмету или лицу по их свойствам, так и событию или суждению о предмете по их характеристикам. Оценки самого общего типа (*хорошее — плохое*) имеют широкую и слабо дифференцированную сферу сочетаемости. Чем более специфична оценка, тем более определенные требования предъявляет она к выбору объекта.

Совершенно безразличны к семантической природе объекта (предмет, лицо, событие) глаголы речевой деятельности, способные управлять дополнением, указывающим на тему сообщения. Ср. *говорить о сыне / о приезде сына*.

При глаголах информации и знания чередование конкретной и пропозитивной лексики может скрывать за собой различие между сообщением о сути дела (*сообщать о приезде сына, ставить в известность об изменении графика работы*) и указанием на тему сообщения, уместным в случае, если сама информация уже известна адресату (ср. *Тебе уже сообщили о сыне? Ты уже знаешь о сыне? = Ты уже знаешь, что сын приезжает завтра?*). Иначе говоря, эти глаголы допускают свертывание зависимой от них пропозиции к актанту (*мне сообщили, что твой сын приехал = мне уже сообщили о твоём сыне*).

Семантическая противопоставленность глаголов интенционального и неинтенционального типа отчасти связана с глубоким различием между предметным и пропозитивным объектом, которые объединяются в единую синтаксическую категорию лишь на том основании, что оба они находятся к управляющему глаголу в отношениях комплетивности: и в том, и в другом случае глагол без дополнения остается семантически незавершенным.

Если конкретное дополнение обозначает прежде всего тот предмет, который испытывает некоторые изменения

в результате осуществленного над ним действия, то пропозитивный объект либо эксплицирует содержание психического (эмоционального, интеллектуального, волевого) процесса, протекающего в субъекте (изъяснительные придаточные)⁴⁶, либо включает в себе указание на цель действия (при глаголах целенаправленной социальной активности). Передвижение придаточной цели и причины в более центральную позицию придаточного дополнительного, как и другие случаи «вызова» в центр предложения периферийных актантов, представляет собой обычную грамматическую процедуру.

Группа предикатов пропозиционального отношения семантически очень разнообразна. К ней относятся глаголы говорения и сообщения, суждения и мышления, памяти и знания, глаголы эмоциональных переживаний, глаголы оценочного суждения, волеизъявления и побуждения, глаголы, «создающие мир», глаголы слухового восприятия и другие.

Попадая в поле подобных глаголов, любая лексическая единица должна получить событийное прочтение. Конкретное дополнение при таком глаголе обычно представляет пропозицию, для восстановления которой иногда бывает необходимо заполнить семантическую лауну, создаваемую привычным эллипсисом⁴⁷. Ср. *просить (дать) денег взаймы, пожелать красивой жены* = пожелать кому-либо жениться на красивой девушке (иное прочтение свидетельствовало бы о нарушении десятой заповеди), *обещать (подарить) сыну часы, советовать (кому-либо поехать на) юг, хлопотать о (получении) пенсии, ожидать (приезда) сына, просить за друга* = просить кого-либо сделать что-либо для своего друга, *хотеть (выпить) чаю*. Некоторые глаголы имеют тенденцию к включению в свое лексическое значение указания на «целевое» событие. Так, глагол *хлопотать* обычно имплицитно подразумевает «получение» чего-либо,

⁴⁶ О развитии понятия изъяснительности в русской и французской лингвистической традиции см.: *И. И. Кравченко*. Сложное предложение с дополнительной придаточной частью во французском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1972.

⁴⁷ См.: *С. Е. Никитина*. О семантическом эллипсисе. «Проблемы лингвистического анализа». М., 1966; *Н. Н. Леонтьева*. О смысловой неполноте текста (в связи с семантическим анализом). «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 12. М., 1969; *Т. А. Колосова*. Семантические отношения в сложных предложениях. — ИДВШ, Филол. науки, 1972, № 5.

а глагол *обещать* при последующем предметном существительном — идею передачи, предоставления. Ср. *Выслушав внимательно купца, хлопотавшего о задаточке, обещал в свое время и задаток* (Ф. Достоевский) = хлопотавшего о получении задатка, обещал в свое время выдать ему задаток.

Глаголы слухового восприятия, употребленные в своем прямом значении, обуславливают событийную интерпретацию объекта. Если место объекта занимает существительное предметного значения, оно должно быть развернуто в пропозицию. Ср. *Я слышал Шаляпина* = *Я слышал, как поет Шаляпин* = *Я слышал пение (голос) Шаляпина; В птичьем хоре можно было слышать (пение, голос, трели) соловья*. Связь глаголов слухового восприятия с событийной лексикой вполне естественна, поскольку звучание протекает во временной протяженности, а не лежит в пространственно-предметной плоскости мира. Не случайно говорят «слышать время, слышать движение времени», но видеть только «зримые приметы времени». Звук в известном смысле представляет собой «материализованное» время, «духовное тело мира», по выражению А. Блока (Дневники, запись от 29 июня 1909 г.).

Глаголы механического (физического) действия сочетаются с объектами предметного значения. Ср. *пилить дрова, шить платье, есть суп, вязать чулки, бить стекла, поливать цветы* и т. п. Появление абстрактного (пропозитивного) существительного в роли дополнения «субстанционального» глагола либо ведет к его конкретизации, истолкованию в предметном смысле (*проглотить какую-нибудь гадость*), либо «дематериализует» глагол (*проглотить обиду*). В следующих предложениях имя, стоящее в позиции объекта, должно быть при правильном понимании смысла предложения отнесено к конкретным предметам: *...несут [...] к очагам своим домашнюю всяческую пригородность* (К. Петров-Водкин); *А эта яблонька словно мать обвесилась урожайностью* (К. Петров-Водкин). Глагол физического действия или состояния предъявляет требование предметности и к своему агенту или предмету, претерпевающему физическое изменение. Ср. *В кабинете пылало женское ухищрение* (К. Петров-Водкин).

Таким образом, интенциональные глаголы, т. е. глаголы, обозначающие психические акты, и глаголы слухового вос-

приятия могут иметь в роли дополнения только пропозиции и имена пропозиитивного значения, а в качестве своего субъекта имена со значением живых существ. Глаголы физического действия имеют в качестве своих актантов (субъекта и объекта) только имена конкретного значения (если отвлечься от стихийных сил природы). Если в поверхностной структуре предложения это требование не соблюдено, предложение, для того чтобы быть понятым, нуждается в семантических преобразованиях.

* * *

Указанное общее правило существенно не только для семантической интерпретации предложения, но в ряде случаев и для адекватного представления его семантико-синтаксической структуры.

Обратимся к словосочетаниям типа *широта степеней, синева глаз, матовая смуглость кожи*. Взятые вне контекста, приведенные конструкции воспринимаются как номинализации предложения, т. е. имена признака или свойства предмета: *степи широки* → *широта степеней*, *глаза синие* → *синева глаз*. В самом деле, можно встретить множество примеров их употребления в событийном значении.

Ср. Немногие сознавали скудость нашего учебного багажа (К. Петров-Водкин) = немногие осознали то (тот факт), что наш учебный багаж скудеен; *Эта истина так пришлась нам ко двору, что с давних времен никто и не сомневался в ее непререкаемости* (М. Салтыков-Щедрин) = никто не сомневался в том, что она непререкаема; *Профессионалы-натурщики знают сложность участия в соработе с живописцем* (К. Петров-Водкин) = знают, насколько сложно участвовать в соработе с живописцем; *Затем замечаешь ладность во взаимоотношениях между людьми* (К. Петров-Водкин) = замечаешь, что взаимоотношения между людьми ладны; *Дело в том, что я заподозрил [...] ясность моей статьи* (А. Блок) = заподозрил, что моя статья не ясна = усомнился в том, что моя статья ясна.

Выделенные словосочетания представляют собой свернутые предложения, зависимые от интенциональных гла-

голов. Но есть и другие случаи, когда разворачивание словосочетаний в придаточные предложения невозможно:

Ср. *Меня взметнуло как резиновый мяч, и швырнуло в мягкоту горячего пепла* (К. Петров-Водкин) = швырнуло в мягкий, горячий пепел; *После осмотра встанет, встряхнет толщину и сборки* (К. Петров-Водкин) = встряхнет толстыми сборками. *Вонзите штопор в упругость пробки* (И. Северянин) = вонзите штопор в упругую пробку. В этих предложениях сочетания *мягкота пепла, толщины сборок, упругость пробки* имеют предметную референцию, которая иногда выявляется в форме множественного числа существительных абстрактного значения (ср. *толщины*). Семантический центр приведенных конструкций заключен в синтаксически подчиненном, зависимом имени, т. е. сдвинут относительно синтаксического центра. Такие конструкции могут быть заменены в предложении атрибутивными сочетаниями, в которых центральную позицию и в синтаксическом и в семантическом плане занимает существительное предметного значения (ср. *встряхнуть толстыми сборками, вонзить штопор в упругую пробку*). Семантически атрибутивные словосочетания следует считать первичными для приведенных контекстов, в которых они зависят от глаголов физического действия, а сочетания типа *толщины сборок* рассматривать как результат преобразования атрибутивной конструкции, предпринятого в целях эмфазы.

Итак, если деривационной основой сочетания *скудость нашего учебного багажа* из приведенного выше примера, где оно зависит от глагола *сознавать*, является предложение (*наш учебный багаж скуден* → *скудость нашего учебного багажа*), то сочетание *толщины сборок* (*встряхнуть толщинами сборок*) выводится из атрибутивной конструкции *толстые сборки*, в которой в процессе деривации осуществляется перенос синтаксического центра в семантически подчиненный, зависимый элемент с целью его выделения. Последнее обеспечивается тем, что в общем случае синтаксическое ядро конструкции совпадает с ее семантическим ядром. Поэтому синтаксически управляющее слово воспринимается и как семантически главное, доминирующее, весомое. Эмфаза, следовательно, основывается на разведении смыслового и формального центров конструкции, в результате которого семантическое и синтаксическое управление осуществляется в противоположных

направлениях. Будучи элементом стилистического синтаксиса, эмфаза построена на принципе нарушения автоматизма (по Тынянову⁴⁸).

Конкретно-предметное значение словосочетаний типа *толщины сборок* обусловлено значением управляющего ими глагола физического действия. Невозможно встряхнуть свойством сборок, отвлеченным от их «субстанции», как и нельзя физически упасть в абстрагированное от пепла качество мягкости.

В третьей серии предложений, содержащих словосочетания данного типа, также реализуется конкретно-предметное значение. Это не ведет, однако, к эффекту эмфазы. Отношения между членами конструкции здесь иные: абстрактное имя, конкретизируясь, получает значение части, взятой от целого, т. е. оба имени имеют в предложении конкретную референцию.

Ср. *Собирал я самородные охры, земли и камни по размывам оврагов* (К. Петров-Водкин) = по размытым частям оврагов; *Волга держалась, не разливаясь, на округлостях ее массива* (К. Петров-Водкин) = держалась на округлых частях массива Земли; *Отблеск бросали в потрепы обой* (А. Белый) = отблеск бросали в потрепанные части обоев.

Событийное (пропозитивное) прочтение выделенных словосочетаний исключается их зависимостью от глаголов физического действия, естественно призывающих к себе предметные аргументы. В данном случае значение глагола требует конкретного прочтения абстрактного имени, предметная референция которого может выявляться в формах множественного числа (ср. *округлости земли, потрепы обоев*).

Если оба имени, образующие словосочетание, относятся к абстрактной (событийной) лексике, т. е. если они оба семантически соответствуют значению управляющего глагола, то словосочетание допускает в принципе и развертывание в придаточное предложение и свертывание в определительную конструкцию, т. е. оно может быть понято либо как эмфатическая конструкция, либо как номинализация предложения, выражающего суждение

⁴⁸ «Динамика формы, — писал Ю. Тынянов, — есть непрерывное нарушение автоматизма, непрерывное выдвигание конструктивного фактора и деформация факторов подчиненных» (Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., 1924, стр. 27).

второй степени (суждение, имеющее в качестве своего субъекта пропозицию).

Ср. *Кабинетный стратег действительно удивил мир гениальностью своей военной тактикой* (А. Блок) = удивил тем, что его военная тактика была гениальна = удивил своей гениальной военной тактикой. *Он надеялся, что город ночью будет подожжен, что враги его будут убиты, что сенат будет запуган быстрой его действиями* (А. Блок) = будет запуган тем, что его действия быстры = будет запуган его быстрыми действиями.

Хотя в одних случаях может оказаться более естественным эмфатическое прочтение конструкции, а в других — пропозитивное, в принципе, при возможности семантического согласования управляющего глагола с обоими компонентами словосочетания, различия между этими прочтениями ослабевают.

Итак, семантико-синтаксическая интерпретация одноименных словосочетаний находится в прямой зависимости от той семантической рамки, в которую они вставлены.

Рассмотренные в связи со значением управляющего ими глагола словосочетания типа *синевая глаз, округлость земли* оказываются в семантическом и синтаксическом отношениях негомогенными: 1) в них могут реализоваться принципиально разные типы значений (конкретное и абстрактное); они представляют собой в этом случае либо свернутое предложение, либо расщепленную в целых эмфазы атрибутивную конструкцию; 2) они могут, однако, состоять из однородных семантических компонентов: а) если оба элемента получают предметное значение, в сочетании выражены отношения партитивности; б) если оба элемента абстрактны (событийны) по своей значимости, то сочетание может прочитываться либо как эмфатический эквивалент атрибутивной конструкции, либо как пропозиция второй степени. Эти две интерпретации слабо противопоставлены друг другу.

Выше шла речь о номинализациях предложения после интенциональных глаголов. Процесс стяжения предложения в этих условиях может идти дальше: придаточное предложение допускает преобразование не только в конструкцию, имеющую в качестве центрального элемента отвлеченное существительное (тип *приезд друга, синевая глаз*), но и в атрибутивную конструкцию, опирающуюся на

предметное существительное (тип *приехавший друг, синие глаза*).

Ср. *Впоследствии, на суде, духовенство и прихожане, среди прочего, обвиняли состав слушателей «Нагорной проповеди» в обезьянем, звероподобном их происхождении и ссылались на удлинённые конечности некоторых из них и на нераскаянные их лица* (К. Петров-Водкин) = ссылались на то, что конечности некоторых из них были удлинены, а лица нераскаяны.

По своей смысловой структуре приведенные сочетания обратны конструкциям типа *мягкота пепла* (в сочетании *упасть в мягкоту пепла*). Если эти последние, как отмечалось, имея конкретно-предметное значение, структурно (формально) совпадают с номинализацией предложения, то в сочетаниях типа (*ссылаться на*) *удлинённые конечности* отношения инвертированы: обозначая признак предмета, т. е. имея пропозитивное значение, они построены по модели атрибутивных словосочетаний, опирающихся на предметное существительное. Их семантическое ядро, как и в предыдущем примере, заключено в синтаксически подчиненном элементе, которым на этот раз является прилагательное (т. е. слово абстрактного значения)⁴⁹. Дери-вационной основой сочетания *нераскаянные их лица* внутри приведенного предложения следует считать предикативную структуру *их лица были нераскаянными*.

Пропозитивное прочтение определительных словосочетаний вызвано их зависимостью от глаголов интеллектуальной деятельности, оперирующей только абстрактными категориями. В таких сочетаниях определение по своей функции приближается к предикату.

Итак, смысловым центром конструкции, рассматриваемой в контексте предложения, является тот ее компонент, значение которого семантически согласуется со значением управляющего глагола.

⁴⁹ Подобное употребление атрибутивных словосочетаний, при котором семантическим центром становится определение, было знакомо латыни. Сочетание *summus mons* 'высочайшая гора' обозначало высоту горы, а затем вершину, верхнюю часть горы. Клише *ab urbe condita* букв. 'с основанного города' указывало на отсчет времени с основания города. См. об этом: А. Тovar. *El gerundio y la relación entre sustantivo y adjetivo*. «Anales de filología clásica». Buenos Aires, 1952; Ю. С. Степанов. О партиципном определении в латинском, испанском и французском языках. — НДВШ, Филол. науки, 1959, № 2.

Это правило применимо и к другим словосочетаниям с зависимым родительным. Так, в предложении *Я выпил стакан воды* смысловым центром объектного сочетания следует считать подчиненный элемент (*воды*), так как он семантически согласуется со значением управляющего глагола (формальный объект глагола *пить* определяется как 'жидкая масса'). В предложении *Я поставил на стол стакан воды*, напротив, смысловым ядром прямого дополнения является существительное *стакан* (формальный объект глагола *ставить* может быть определен как 'предмет с вертикальной ориентацией'). Поскольку в этом случае семантический центр совпадает с синтаксически управляющим именем, такое употребление словосочетания следует признать первичным, а использование данной конструкции в качестве дополнения глагола *пить* рассматривать как смещенное или вторичное.

Если в словосочетании, в котором семантическая зависимость сдвинута относительно синтаксической зависимости, позиция имени занята количественным существительным, лишенным в принципе предметной референции, то смещение становится нормой (ср. *пуд муки, метр ситца, десяток яиц, дюжина пуговиц*): оно уже не зависит от значения управляющего глагола или иных факторов (позиции в предложении, семантики предиката и пр.).

По аналогии с количественными выражениями, как известно, перестраивается семантика и многих сочетаний, образованных двумя предметными именами. Ср. *стакан воды, ложка дегтя, бочка меда*, в которых первое имя постепенно лишается конкретной референции и начинает служить показателем меры (количества) жидких и сыпучих тел. Ср. *В миске было два стакана муки, стакан сахарного песку, три ложки масла и пять желтков*. В первом члене сочетания *стакан сахарного песку* начинает преобладать значение количественного определителя, а не вместительности. Поэтому приведенные словосочетания обычно относят к сосуду, а не к наполненному содержимым. Сочетание *стакан воды* предполагает, что стакан полон, а сочетание *стакан с водой* применяется к стакану независимо от количества в нем воды (ср. также *кастрюля с супом, ваза с цветами, тарелка с кашей, кувшин с молоком* и пр.). Предложные сочетания не допускают, в отличие от беспредложных, передвижения семантического ядра в зависимое имя. Ср. *съесть тарелку борща* = *съесть борщ*

из тарелки, но не *съесть тарелку с борщом, *выпить стакан с водой. Употребление типа разлить (расплескать) кастрюлю с молоком не вполне корректно и опирается на контаминацию в глаголе значения направленности на жидкую массу (разлить молоко) со значением направленности на сосуд (вместилище жидкости) — опрокинуть кувшин. Ср. аналогичную контаминацию объектной направленности глагола в сочетаниях вылить воду из кувшина и вылить кувшин, налить воду в чайник и налить чайник, постелить одеяло на кровати и постелить кровать (постель), закрыть окно ставнями и закрыть ставни на окне, писать полотно с натуры и писать натуру на полотне⁵⁰.

Таким образом, закономерности семантической сочетаемости слов тесно связаны с распределением внутри словосочетания семантических и синтаксических центров. Сформулированное выше правило выявления семантического центра словосочетания не распространяется на метафорическое, образное употребление слов. Ср. червь сомнения грызет (шевелится, сосет), чаша терпения переполняется, узамы брака себя связывают, а затем их разрывают, рука помощи протягивается, голос народа раздается и т. п. В этих и подобных случаях выбор глагола определяется образом, репрезентирующим некоторое значение: конкретный образ, передающий абстрактное значение, приводится в соответствие с глаголом физического (конкретного) действия, получающим метафорическое осмысление (см. выше, раздел «Специфика несвободной сочетаемости имен чувств» настоящей главы).

* * *

Перейдем к случаям, в которых чередование в одной позиции конкретной лексики и единиц пропозитивного значения не влияет на информативную полноту высказывания.

После глаголов зрительного восприятия и воспоминания могут с одинаковым или почти равным правом употреб-

⁵⁰ Явления подобного рода в последнее время привлекали к себе внимание многих лингвистов. См. Ch. Fillmore. Lexical entries for verbs. «Foundations of language», 1968, IV, № 4, стр. 376—377.— Анализ трансформаций типов управления русского глагола см.: Ю. Д. Апресян. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. «Проблемы структурной лингвистики — 1972». М., 1973, стр. 322.

ляться как конкретные существительные, так и пропозиции, обозначающие зримые события. Ср. *Я вижу детей и я вижу игры (прогулку, возню, беготню) детей; я вижу, как дети гуляют; я вижу, что дети гуляют; я вижу детей на прогулке.*

Предметное дополнение после этих глаголов как бы синтезирует временной и пространственный (предметный) параметры. Поэтому конкретные имена в этой позиции могут получать определения, раскрывающие их «динамический» аспект. Ср. *Я видел гуляющих детей; Я смотрел на проходящие поезда; Я видел Качалова в роли Карено; Я видел детей, возвращающихся с прогулки; Я видел его за работой.* Чисто предметное, без оттенка событийности, значение конкретных существительных реализуется только в предложениях типа *Ты видел Эйфелеву башню? Он видел слона: Многие городские дети никогда не видели лошади; Никто никогда не видел снежного человека.* Во всех других случаях предметное существительное в той или иной степени предстает в событийном ракурсе. Одни предикаты зрительного восприятия больше тяготеют к пространственно-предметному значению имени, другие, напротив, больше ориентированы на его временной (событийный) аспект. Так, *бросать взор на что-либо / кого-либо* означает направленность восприятия на предмет, а *следить* или *наблюдать за кем-либо / чем-либо* относится к направленности восприятия на действия, поведение. Ср. *наблюдать за больным* = наблюдать за течением болезни (ходом выздоровления).

Глаголы зрительного восприятия, таким образом, располагаются по шкале перехода от конкретно-предметной к событийной ориентации.

Другая категория глаголов, способных сочетаться как с событийными, так и с предметными дополнениями, как уже говорилось, имеет оценочное значение. Поскольку оценке может быть подвергнуто все «содержимое» мира — люди, предметы, события, качества — глаголы, выражающие оценочное суждение, слабо дифференцированы в своей направленности на объект. Ввиду того, что объекты оцениваются по их свойствам, функции и т. п., глаголы оценочного значения обычно сочетаются с такими номинациями предметов, которые имплицитно критерий оценки (ср. *хвалить портного, повара, ученика* и пр.) или с именами таких предметов, которые принято оценивать по опреде-

ленному параметру. Ср. понятность таких сочетаний как *хвалить пишущую машинку, хвалить сигареты* (клеи, суп и пр.) и недостаточную эксплицированность вне контекста сочетаний *хвалить ракушку, водоросли, папоротник, крокодила, дерево, камень, сову, иней на деревьях, морозы* и пр.

Как и в случае с глаголами зрительного восприятия, некоторые оценочные глаголы теснее связаны с предметными понятиями, другие, напротив, выражают отношение к событию. Так, *одобряют* по преимуществу события: поступки, решения, резолюции, политику, работу, руководство и др. Наоборот, *славят* и *превозносят* скорее героев за их подвиги, нежели сами подвиги в отвлечении от героев. Ср. *И славит сладостный певец | Людмилу-прелесть и Руслана | И Лелем свитый им венец* (Пушкин). Однако разграничение оценочных глаголов с личностной и предметной направленностью — с одной стороны, и событийной — с другой, не проходит четко. Более того, личностный объект оценочных предикатов стремится войти в одну группу с событийным. Вследствие этого в объектной позиции регулярно происходит чередование типа *лицо/событие*. Нельзя, например, *осуждать* или *одобрять скатерть, цветы, портфель* и пр., но можно *осуждать* или *одобрять покупку скатерти* или *портфеля*, возможно также *осуждать* или *одобрять кого-либо за покупку скатерти* или *портфеля*. Глаголы, выражающие субъективное отношение к событию (чьей-либо акции, поступку) сближаются с глаголами интерперсональной семантики, выражающими отношение к лицу (подробнее см. ниже).

Необходимость в указании признака, по которому дается оценка, делает прочной связь оценочных предикатов с событийным (пропозитивным) актантом, который, однако, может занимать в строе предложения обязательную позицию прямого дополнения или менее обязательную позицию обстоятельства. В первом случае предикат имеет событийную ориентацию, во втором — предметную.

Наблюдая за группами глаголов, семантика которых в принципе допускает как предметные, так и пропозитивные дополнения, можно заметить, что язык стремится и в этой области провести между ними границу, закрепив за одними из них конкретные, а за другими событийные объекты. Однако такое разграничение никогда не бывает жестким. Причину этого следует искать не столько в сти-

рающем семантический рельеф круговороте речи, сколько в наличии такой денотативной зоны, в которой нет четкого разделения и противопоставления друг другу предметного и событийного (статического и динамического) аспектов, а также в некоторых механизмах человеческой психики. (см. ниже, стр. 147 и сл.).

Семантические отношения между подлежащим и сказуемым

Правило семантического соответствия подлежащего и сказуемого (точнее, субъекта и предиката пропозиции) основывается на выделении предикатов разных семантических уровней или степеней: так, предикаты первого порядка сочетаются только с конкретными (предметными) субъектами; предикаты второго ранга относятся к абстрактным субъектам (ср. функции первой и второй ступени в логике). Семантическая область предикатов второго ранга, выражающих суждения о событиях, действиях, качествах, свойствах и пр., а также о других суждениях (мы не будем проводить сейчас между ними строгого различия) охватывает значения локализации во времени и пространстве, характера протекания действия, его реализации, разные виды субъективно-модальной оценки, субъективного восприятия или воздействия, логического отношения (причины, цели, условия, уступки), истинностного значения (для субъектов-суждений) и некоторые другие. Если вторичные предикаты отнесены к конкретному имени, то это последнее утрачивает предметную референцию и расшифровка смысла предложения требует его развертывания в пропозицию. Ср. *Редок для ребят свободный отец* (К. Петров-Водкин) = отец редко бывает свободен для занятий (игр) с детьми. При субъекте *отец* стоит темпоральное сказуемое *редок*, оправданное временным параметром, привносимым в имя прилагательным *свободный*. Будучи построенным по типу первичной пропозиции с предметным субъектом, приведенное предложение реализует пропозицию второго порядка. Ср. *Отец свободен* → *свободность (незанятость) отца (то, что отец свободен) случается редко*. Сочетание *свободный отец* следует рассматривать как стянутую, т. е. преобразованную в атрибутивное сочетание, пропозицию. Семантиче-

ским центром ее служит тот элемент, который конгруэнтен предикату, в данном случае определение, а не определяемое, т. е. понятие *н е з а н я т о с т и*, а непонятие *о т ц а*.

В некоторых случаях событийный аспект предметного субъекта, т. е. та пропозиция, которую он замещает, может быть извлечена из предтекста и определения одновременно. Ср. *Я н а в е л н а н е е л о р н е т, и заметил, что она от его [Грушницкого] взгляда улыбнулась, и что мой д е р з к и й лорнет рассердил ее не на шутку. И как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну?* (Лермонтов).

Соответствие ранга субъекта порядку предиката хорошо прослеживается в связочных предложениях. Если сказуемое в них выражено событийным именем, то семантическая солидарность требует, чтобы субъект также получил событийную интерпретацию, независимо от того, чем он представлен в высказывании. Ср. *Разбитая чашка — твоя работа* = то, что чашка разбита, — твоих рук дело = ты разбил чашку. Предикат пропозиции в данном случае должен быть извлечен из определения атрибутивного словосочетания.

Необходимость «динамического» осмысления субъекта особенно очевидна на примере связочных предложений с опосредующим указательным местоимением среднего рода *это*, которое и служит показателем того, что подлежащее должно получить пропозитивное значение⁵¹. По характеру предиката выделяются две разновидности этой модели, предполагающие событийный субъект. В первой разновидности сказуемое представлено категорией состояния (в иной терминологии, предикативным наречием). Например, *Засуха это плохо*. Предложения этой структуры обычно выражают оценку некоторого явления по его отношению к другим явлениям или лицам. Во второй разновидности сказуемое представлено абстрактным (событийным) именем и допускает включение глаголов *значить, означать*⁵², например: *Засуха это (значит, озна-*

⁵¹ Предложения этого типа выделены и описаны в «Грамматике современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 553 и 556.

⁵² Эта связка в первичном своем употреблении соединяет слово или суждение и его интерпретацию. Ср.— *Ну, а теперь нужно ответить на вопрос: что такое вход в квартиру? Иван Иванович!* ска-

часть) *недород (голод, закупки хлеба и пр.)*. Семантика предложений этого типа определяется логической (причинно-следственной или условной) связью частей. Ср. *Засуха может стать причиной недорода; если бывает засуха, то возможен недород; засуха ведет к недороду*.

Предложения обоих разрядов обычно выражают общие суждения о классе событий, а не о конкретных фактах. Естественным для русского языка способом выражения субъектной пропозиции в предложении, выражающем общее суждение второй степени (т. е. общее суждение о классе событий), служат придаточные предложения с союзами *если* и *когда*, утрачивающими свое значение при оценочном предикате. Ср. *Когда (если) много друзей, это хорошо* = много друзей — это хорошо.

Если в позицию субъекта при предикатах названной семантики попадает предметное существительное, оно требует событийного прочтения, т. е. должно быть развернуто в пропозицию. Последняя обычно опирается на предикат наличия, имплицитруемый любым предметным понятием. Для образования семантически полноценной пропозиции «сфера бытия» предмета ограничивается либо путем уточнения его местопребывания, либо путем включения в микромир человека. Ср. *Деньги — это веселая жизнь* = наличие денег (обладание деньгами) дает возможность весело жить = 'когда есть деньги, можно весело жить': *Собака — это хлопотно* = держать собаку причиняет много хлопот; *Кошка в доме — это грязь* = пребывание кошки в доме ведет к его загрязнению. Предложения с предметным субъектом также часто выражают общие суждения. Имя в них обычно лишено единичной референции: оно выступает в качестве представителя типовой ситуации.

В связочных предложениях второго разряда (*Засуха — это недород*) необходимость пропозитивного прочтения имен, находящихся по ту и другую сторону связки, обусловлена логическим значением этой последней. Поскольку логические отношения причинности, условности, уступи-

звай свое мнение! — По-моему, вход в квартиру — это означает вступление в оную... — А вступление в квартиру означает вход в оную? (М. Салтыков-Щедрин). От такого употребления язык переходит к применению глаголов *значить* и *означать* для выражения межсобытийных отношений логического (условного, причинно-следственного) типа.

тельности и т. п. соединяют между собой только события, но никак не предметы (они соотносятся с осью времени, а не пространства), причинно-следственная связка и другие глаголы логической семантики всегда имеют два места, предназначенные для пропозиций. Ср. *Неукрепленность тыла и отсутствие технической базы обусловили поражение армии*. При семантической интерпретации такие предложения должны быть представлены как две пропозиции, соединенные логическим отношением. Ср. *Одна усталость заставила его уменьшить скорость бега* (Гоголь) = он уменьшил скорость бега только потому, что устал.

Если при логическом предикате находится имя конкретного значения, то его следует развернуть в пропозицию той или другой степени эксплицитности. Ср. *Хорошая еда и свежий воздух способствовали его выздоровлению* = то, что он хорошо питался и дышал свежим воздухом, способствовало его выздоровлению.

Контекстуальная эквивалентность предметных и пропозитивных значений

Выше говорилось, что там, где конкретная лексика занимает место имен абстрактного значения (названий качеств, свойств, действий, событий и состояний), она оказывается менее семантически эксплицитной и информативной, чем слова отвлеченной (пропозитивной) семантики. Высказывание *Я провалился из-за тебя* может быть расшифровано как 'Я провалился из-за того, что ты мешал мне заниматься / не подсказал мне / сбил меня с толку во время экзамена / не дал мне учебника / не объяснил мне закона Кеплера' или относиться к любой другой акции адресата речи, направленной во вред говорящему. Поставить вместо придаточного предложения только имя конкретного значения равносильно тому, чтобы все высказывание свести к его теме, умолчав о реме, что само по себе возможно только, когда речь идет об уже известном собеседнику событии (тема напоминания).

Между тем адресат речи часто бывает вполне удовлетворен сообщениями, в которых предметное существительное занимает место пропозиции. Семантическая достаточность конкретной лексики в положении, предназначенном

для пропозиции, связана с действием ряда причин. Если оставить в стороне компенсацию информативной неполноты высказывания за счет контекста, ситуации и уже имеющих у адресата речи сведений, то редукция пропозиции к конкретному имени не идет в ущерб коммуникации в следующих случаях.

При замене пропозиции конкретно-предметным существительным преобразуется и семантика предиката. Например, логическое значение каузальности может быть трансформировано в значение оценки (похвалы или осуждения). Вернемся к приведенному примеру. Хотя в предложении *Я провалился из-за тебя* под обстоятельством причины (*из-за тебя*) могут разумеаться любые реальные обстоятельства, и адресат речи на основании только этого высказывания не может заключить, которое же из них имело место в действительности, само по себе сообщение воспринимается как семантически полноценное. Оно обычно употребляется в условиях, когда адресат речи информирован о происшедшем (в приведенном примере это более, чем естественно, так как он сам его участник) и цель сообщения состоит в возложении на него личной ответственности. Таким образом, *Я провалился из-за тебя* должно прочитываться как 'Ты виновен в моем провале'. Ср. также *Если бы не ты, мы бы заблудились; благодаря тебе, дети получили образование*. Редукция пропозиции проходит особенно безболезненно, когда ее место занимает имя лица (см. об этом ниже).

Итак, замена пропозиции конкретной лексикой не идет в ущерб содержанию высказывания тогда, когда его коммуникативное содержание (смысл предиката) приведено в соответствие с конкретно-предметным смыслом существительного.

В других случаях «информативный голод» утоляется тем, что характер происшествия, на которое «намекает» конкретное существительное, достаточно определенно подсказывается смыслом этого последнего. Предложения, в которых место логического обстоятельства занимает имя предмета с очевидными событийными коннотациями, воспринимаются как полноценные сообщения.

Рассмотрим основные из этих категорий имен.

Единичными, индивидуальными коннотациями обладают имена лиц, чем-либо известных в данном обществе. Эти имена относятся не столько к единичной физической

сущности, сколько к единичному событию в общественной или культурной жизни.

В следующих предложениях коннотативный (событийный) аспект собственных имен раскрыт в самом авторском тексте: *Даву был Аракчеев императора Наполеона — Аракчеев не трус, но столь же исправный, жестокий и не умеющий выражать свою преданность иначе как жестокостью* (Л. Толстой); *Ведь вот откуда мое хватанье за Скитальца: я за Волгу ухватился, за понятливость слога, за отзывчивость души, за ее здоровую и тупую боль* (А. Блок). «Событийная» интерпретация имен собственных позволяет им употребляться вместо пропозиций, не создавая семантических лакун. Ср. *Г е т е столько же конец, сколько — начало* (А. Блок); *И сам С т р и н д б е р г — утро, тот час, когда начинается большая работа. О н менее всего конец, более всего — начало* (А. Блок); *К л ю е в — большое событие в моей осенней жизни* (А. Блок); В следующем примере непредметное употребление собственных имен выявлено в форме согласования прилагательного (обобщающий средний род), а также в употреблении местоимения *это*: *А. Белый (в том числе и это), Чулков, Арцыбашев — не народное* (А. Блок).

Единичными событийными коннотациями обладают и имена собственные, не относящиеся к лицам. Особенно регулярно они сопутствуют топонимике: именам мест, где разыгрались какие-либо события. Ср. *Ватерлоо* (вм. поражение при Ватерлоо армии Наполеона), *Бородино* (вм. Бородинская битва), *Брест* (вм. заключение Брестского мира) и т. п.

Если имена собственные скрывают за собой е д и н и ч н о е событие, то некоторым категориям имен нарицательных сопутствуют р е г у л я р н ы е событийные коннотации.

Существительные, обозначающие «нестандартные детали» эквивалентны качественной характеристике предмета или лица и могут употребляться в функции событийных имен без ущерба для коммуникативного содержания высказывания. Такие существительные, как *язва, мозоли, бельмо, волдыри, сыпь, вздутие* (т. е. «овеществленные недуги»), или такие, как *снег, грязь, лужи, ухабы, колдобины* и названия других дорожных помех, означают не столько предметы, сколько свойства их носителя. Они служат полноценными эквивалентами пропозиции. Ср. *Он не*

пришел из-за мозолей / грязи / снега; он приехал, несмотря на язву / ухабы; он хорошо видит, несмотря на бельмо на одном глазу.

То, что нестандартные, «сверхкомплектные» части предмета осмысляются как его свойства, подтверждается регулярным преобразованием экзистенциальных предложений в квалификативные. Ср. *На дороге грязь* → *дорога грязная*; *на его лице прыщи* → *его лицо прыщавое*; *на дороге ухабы* → *дорога ухабистая*; *на ее руках мозоли* → *ее руки мозолистые* и пр.

Наличие событийных (кваликативных) коннотаций у названий нестандартных частей предмета не исключает их употребления с конкретной референцией. Ср. *срезать мозоли, проколоть волдырь, сгрести снег, счистить грязь, сравнять ухабы*. Указанная категория имен, таким образом, обладает двойственным семантическим статусом.

Названия неотъемлемых (стандартных, комплектных) частей предмета не могут служить целям его качественной характеристики. Но если им сопутствуют индивидуализирующие определения, они превращаются в «нестандартные детали», становясь эквивалентом пропозиции. Ср. *Она хороша собой несмотря на длинный нос (тонкие ноги, бледное лицо)* при информативной недостаточности высказываний *Она хороша собой, несмотря на нос (ноги, шею)*. Борода и усы относятся, пожалуй, к числу сверхкомплектных деталей, по крайней мере применительно к женщинам и молодым людям. Ср. *Он кажется старше своих лет из-за бороды; Он выглядит молодо, несмотря на бороду*. Это подтверждается тем, что прилагательное *бородатый* имеет значение 'имеющий бороду, отпустивший бороду', в то время как, например, прилагательное *носатый*, произведенное от имени *нос*, обозначающего «стандартную деталь» человека, включает в свое значение индивидуализирующее определение, указывая на наличие *большого носа*, т. е. «нестандартной детали».

То, что имена неотъемлемой принадлежности, сопровождаемые дифференцирующими их определениями, предназначены более всего для характеристики целого, подтверждается обилием образованных от них сложных прилагательных типа *широкоплечий, бледнолицый, тонконогий* и пр. Здесь действует тот же механизм преобразования, который был отмечен для сверхкомплектных деталей: *У него широкие плечи* → *он широкоплечий*.

В словосочетаниях, состоящих из «неотторжимой собственности» и выделительного определения, последнее сближается по своей роли в коммуникации с предикатом. Ср. *Он пришел, несмотря на бо́льшую ногу* = несмотря на то, что у него большая нога = несмотря на то, что его нога большая = несмотря на то, что у него болит нога; *она красива, несмотря на длинный нос* = несмотря на то, что нос ее длинный.

Категории предметов, предназначенных для выполнения определенной функции, достаточно однозначно имплицитируют «свой» предикат. Так, названия продуктов влекут за собой предикат потребления. Ср. *Хлеб (есть хлеб)* — это прибавка в весе; *сигареты (курить сигареты)* — это вредно; *водка (питье водки)* его погубит. Названия орудий, средств, снадобий и т. п. имплицитируют предикат применения, использования. Ср. *Он выздоровел благодаря пенициллину (уколам, введению в организм пенициллина)*; *если бы не пила (применение пила, пила), мы бы не свалили дерева*.

Всякое предметное понятие имплицитирует предикат наличия, присутствия, существования в некоторой «сфере бытия».

Если этот регулярный для конкретной лексики, хотя семантически очень широкий, предикат удовлетворяет смыслу предложения, то употребление конкретного существительного в позиции событийного воспринимается как семантически достаточное. Ср. *Она поехала в отпуск, несмотря на детей (несмотря на то, что у нее есть дети)*.

Наконец, семантическая двойственность характеризует имена лиц. Лица всегда ассоциируются с действиями, поступками, поведением и пр. Имена лиц, поэтому, часто употребляются в позициях, предназначенных для событийной лексики. Но это особый вопрос, поскольку, обладая двойственным семантическим статусом, имена лиц в то же время не имплицитируют, как это имеет место применительно к названиям предметов, регулярных событийных коннотаций (предикатов).

Итак, при определенных условиях имена конкретно-предметного значения могут служить полноценным эквивалентом пропозиции, и их употребление в соответствующих синтаксических функциях не оставляет в адресате ощущения информативной недостачи. Это происходит в следующих случаях: 1) предикат предложения семанти-

чески двойствен; 2) имя семантически двойственно и может быть интерпретировано как в предметном, так и в событийном смысле: имя собственное может обладать индивидуальными событийными коннотациями (*Шалапин = пенie Шалапина*); имя нарицательное может обладать регулярными для данного семантического разряда смысловыми коннотациями; 3) недостающий предикат эксплицирован в предтексте, очевиден из ситуации или присутствует в определении конкретного существительного.

Синтаксический статус имен лица

В предшествующих разделах были разобраны три типа семантического согласования элементов предложения. Все они сводятся к требованию различения предметных и событийных (пропозитивных) понятий и приведения каждой из упомянутых категорий в соответствие с той понятийной областью, центром которой она является. В первом случае семантическое согласование требует соотнесения предметных понятий с отношениями пространственного плана, а пропозитивных — с отношениями логико-темпорального типа. Во втором случае семантическое согласование требует соотнесения предметных понятий с обозначениями физических действий, а пропозитивных с названиями психических актов. В третьем случае семантическое согласование требует, чтобы предметные понятия выступали в качестве субъекта первичных суждений, а пропозитивные понятия характеризовались предикатами второго порядка.

Итак, 1) семантическое согласование значения слова и его синтаксической функции основано на различении пространственных и временных параметров; 2) семантическое согласование глагола и его актантов основывается на различении материального и идеального, физического и духовного планов; 3) семантическое согласование субъекта и предиката основывается на различении логических порядков.

Серия понятий — предмет — пространственная ориентация — физическое действие — физические свойства предмета — оказывается противопоставленной ряду: событие — время — психический акт — свойство события и суждение о событии.

Однако существует область, в которой различение и противопоставление указанных понятийных рядов проходит менее четко, вследствие чего в одних и тех же синтаксических позициях наблюдается регулярное чередование конкретных и пропозитивных номинаций. Некоторые случаи такого рода были отмечены выше при обсуждении проблемы семантики объекта. В настоящем разделе пойдет речь об альтернации пропозитивных значений и имен лица при глаголах логического (межсобытийного), качественно-логического и интерсубъектного (интерперсонального) значения. Обращение к межсобытийным и качественно-логическим предикатам потребует рассмотрения проблемы отношения каузативности к семантике глагола и глагольных перифраз.

Зона слабого различения двух наиболее ясно и определенно противопоставленных друг другу категорий возникает благодаря тому, что человек воспринимается одновременно и как «предметная» (физическая, субстанциональная) и как «действующая» сущность, фигурируя то в статическом, то в динамическом аспекте. Неотделимость событий от людей, которые в них участвуют и которые их создают, и, напротив, неотделимость людей от их деятельности, ведет в первом случае к проникновению антропонимов в позиции актантов при межсобытийных предикатах, и во втором случае к проникновению абстрактной (событийной) лексики в положение актантов при интерсубъектных глаголах.

Имена лиц принадлежат к тем лексическим категориям, которые обладают двойственным семантическим статусом и о которых речь шла в предыдущем разделе. Поэтому употребление в одной и той же позиции, предназначенной для обозначений событий, имен предметов и имен лиц не совсем аналогичное явление. Имя предмета обычно скрывает за собой пропозицию, в которую оно должно быть развернуто для правильной интерпретации смысла предложения. Имя лица в той же функции фигурирует с большим правом, не требуя с необходимостью преобразования в пропозицию. Такие предложения, как *Ножи раздражают меня; ковры утомляют; кресло помогло мне*, воспринимаются как семантически не совсем корректные. В то же время предложения с именем лица в функции субъекта, хотя и недостаточно эксплицитны, могут счи-

таться более соответствующими семантическому стандарту. Ср. *Дети раздражают его; гости всех утомили; Николай помог мне.*

Начнем рассмотрение с глаголов логического значения, указывающих на отношения между двумя ситуациями. Хотя обе валентности этих глаголов, как отмечалось, предназначены для пропозиций или событийной лексики, они могут замещаться также именами лиц. Такого рода чередование отражает колебание в семантике глагола: глаголы, обозначающие отношения между личностными (агентивными) событиями, начинают либо сближаться с глаголами, выражающими отношения между людьми, либо акцентировать роль человека по отношению к другому событию. Такое колебание находит естественное объяснение в механизмах человеческой психики.

Взаимоотношения между людьми определяются не столько «предметной» (субстанциональной) сущностью человека, сколько его «событийным» аспектом — натурой, характером, качествами, словами, манерами, поведением, поступками, помыслами, образом мыслей, взглядами, занятиями, вкусами, положением в обществе и пр. Поэтому, вынося суждение об отношениях между событиями, человек часто переключает их в личностный план, указывая на взаимодействие людей, создающих события. Ср. шуточный афоризм: *В спорах выясняют не истину, а отношения.*

С другой стороны, оценивая связь между фактами, мы склонны подменять ее указанием на роль лица по отношению к событию. Лицо, которое своей злой или доброй волей, намеренно или невольно вызывает некоторую ситуацию, рассматривается как причина другого, объективного или субъективного (психического) события. В предложении *Он* (а если следовать принципу *cherchez la femme*, то *она*) — *причина всех бед* слово *причина* значит 'виновник, ответчик, корень зла', а распространенное в диалогах выражение *Все из-за тебя* звучит скорее как обвинение, чем как констатация причинно-следственных отношений между событиями. Оно сводимо к реплике *Все ты* (*А все ты*), в которой оттенок причинности оттеснен на задний план значением виновности. Ср. *Они друг друга поедом едят, а он задрать никого не смеет! На что похоже! А все Осел! Он, именно он, мудрит, он эту канитель разводит!* (М. Салтыков-Щедрин). В последнем пред-

ложении акцент постоянно падает на субъект (*он*), чем подчеркивается значение виновности в положении дел, обрисованном в первых предложениях, а не значение причинных отношений, связывающих события.

Если существительное *причина* все же обычно относят к событиям, то глагол *причинять* уже определенно агентивен (ср. *он причинил нам много горя*). Употребление имени *причина* в собственном смысле (т. е. не в значении 'виновник') применительно к лицу обычно требует разъяснения «обстоятельств дела». Ср. *Мне было очень долго страшно тяжело и скучно, как, вероятно, тебе бывает. Последние дни полегчало. Причина этому — Розанов, который страшно просто и интимно рассказал мне свою жизнь и как-то показался мне близким (хотя и непонятным) человеком* (А. Блок. Письмо к матери). Получая отнесенность к лицам, слово *причина* сохраняет событийные коннотации. Ср. замещенность личностной номинации соотносимой с именем *причина*, местоимением *что*, а не *кто*: *Начальство — вот в чем причина* (М. Салтыков-Щедрин).

Расчленение понятий причинности и виновности, личной ответственности за событие отражается в строе предложения, выявляясь в синтаксической совместимости этих значений в рамках одной конструкции: *причина*, отделенная от ответчика, передвигается в позицию инструментального дополнения. Ср. *Петр мешал мне работать с о и м и р а з г о в о р а м и*. Хотя помехой в работе были именно разговоры, а не Петр как субстанциональная и психическая сущность, но ответственность за то, что говорящий не мог работать, несет Петр.

Здесь необходимо напомнить, что заполнение инструментальной позиции событийным именем или придаточным предложением обычно происходит в тех случаях, когда предикат обозначает сознательную целенаправленную акцию. Ср. *Он добился успеха упорным трудом (тем, что упорно трудился)*. В подобных высказываниях орудийное дополнение указывает на способ, примененный агентом действия для достижения цели. Однако, если речь идет о действии и его побочном, «избыточном» эффекте, то заполнение инструментальной позиции событийным именем не может соответствовать ее семантико-синтаксической функции. Это свидетельствует о синтаксическом передвижении: в инструментальную позицию попадает элемент,

вытесненный из другой синтаксической позиции, в данном случае из позиции субъекта-каузатора. При глаголах, обозначающих нецеленаправленное действие (или действие, направленное на другую цель), инструментальная позиция преобразуется в *к а у з а л ь н у ю*.

Неустанно действующий в психике людей механизм переноса эмоций *ad hominem* прежде всего «втягивает» семантику межсобытийных глаголов со значением благоприятствования или неблагоприятствования одного события другому. Естественно, что благоприятные или неблагоприятные отношения между событиями, в которых участвуют люди, легко осмысляются как хорошие или дурные отношения участников событий друг к другу.

У глаголов этой группы альтернатива пропозитивных и личностных номинаций может происходить либо в одной, либо в обеих приглагольных позициях.

Например: *Его советы помогли мне добиться успеха* (межсобытийное значение) — *его советы помогли мне* (межсобытийное значение, акцентирующее эффективность субъектного события) — *он помог мне добиться успеха* (переходное значение, акцентирующее роль лица по отношению к объектному событию) — *он помог мне* (интерперсональное значение). В этом последнем предложении речь идет уже не о логической связи событий, а о взаимодействии людей как психических сущностях. Отношения между событиями заменяются отношениями между их субъектами. Такого рода замены достаточно регулярны, если суждение носит общий характер, т. е. если речь идет не о конкретном факте, а о серии событий. «Представителем» каждой серии становится имя лица, создающего события. В предложении *Дети мешают отцу* имена лиц, скрывая за собой значения последовательностей взаимосвязанных событий, в то же время относятся к определенным психо-физическим сущностям (личностям). Значение таких предложений двойственно и может получать тот или другой семантический крен.

К семантическому полю межсобытийных предикатов могут быть отнесены глаголы умозаключений, или логического вывода. Эта группа глаголов, более далекая от выражения интерсубъектных отношений, допускает чередование имен лица и имен событий (суждений) только в субъектной позиции. В положении объекта при них всегда находится пропозиция-суждение, т. е. пропозиция, выра-

жающая истинностное значение, и имена, ее заменяющие («место-суждения»: *вывод, положение, заключение, мнение, мысль, идея, точка зрения* и пр.). Предикаты этой группы, вообще говоря, достаточно определенно разделены между личностно-ориентированными и событийно-ориентированными. К первой категории относятся *verba putandi*, а также такие предикаты, как *приходить к выводу (мысли), заключать, устанавливать, обосновывать, формулировать закон (правило, положение* и пр.). Их субъект всегда замещается именем лица. Ко второй — такие, как *противоречить, идти в разрез, значить, означать*. Их субъект всегда пропозитивен. Ср. *Петь и свистеть (но не громогласно) не возбраняется, ибо сие означает удовольствие* (М. Салтыков-Щедрин); *Мало того: он угрюмо ходил взад и вперед по комнате, что, по моему наблюдению, означало, что его начинает мутить от разговоров* (М. Салтыков-Щедрин).

Группу глаголов с колеблющейся семантикой образуют: *подтверждать, доказывать, показывать, опровергать, ставить под сомнение*. Ср. *Ученый опытами и расчетами доказал, что такое химическое соединение не может быть получено — Расчеты и опыты ученого доказали, что такое соединение не может быть получено; Он подтвердил (опровергнул) своими данными правильность моих выводов — Его данные подтвердили (опровергли) правильность моих выводов*.

Образование этой промежуточной сферы обусловлено, с одной стороны, отчуждаемостью от человека его интеллектуальной деятельности и ее результатов (*он показал своими опытами → его опыты показали*) и, с другой стороны, тенденцией к авторизации суждений, мнений, теорий, концепций и пр., их атрибуции лицу (*это доказало → он доказал*). В той степени, в какой глагол способен обозначать целенаправленное действие, он получает собственно агентивное значение, исключая возможность событийного субъекта. Так, глагол *доказывать* в таких предложениях, как *Она доказала своими поступками необоснованность этих подозрений (= Ее поступки доказали необоснованность подозрений)* и *Она всеми силами старается доказать свою правоту*, фигурирует в разных значениях.

Наряду с собственно логическими (межсобытийными) предикатами существуют предикаты, условно названные *качественно-логическими*. Предикаты этой группы находятся в состоянии еще более неустойчивого равновесия: позицию субъекта при них замещают то имена лиц, то пропозиции и их эквиваленты. К этой категории относятся прежде всего глаголы психического воздействия⁵³ и их перифрастические аналоги: *раздражать, забавлять, возмущать, смешить, удивлять, изумлять, ужасать, удручать, досаждают, смущать, нервировать, угнетать, мучить, тревожить, волновать, восхищать, восторгать, радовать, бесить, пугать, развлекать, сердить, беспокоить, вдохновлять, ободрять, трогать, веселить, убеждать, образумить, влиять, приводить (повергать) в уныние (трепет, отчаяние), вселять бодрость, вызывать смех (ужас, волнение, восторг, слезы, страх, негодование, скуку), причинять огорчения, навеять скуку, нагонять тоску.*

К этой группе примыкают глаголы и глагольные перифразы, обозначающие каузацию некоторого отношения к лицу-субъекту: *вызывать симпатию (любовь, расположение, уважение), располагать к себе.*

Семантика глаголов этой группы совмещает логическое значение каузации с указанием на психическое (эмоциональное, интеллектуальное) состояние объекта (лица), возникающее под влиянием причины, названной в субъекте. Ср. *Его назойливость раздражает меня.* Предложения такой структуры разложимы на две пропозиции с каузативной связкой между ними: *я раздражен, потому что он назойлив.*

Место субъекта при предикатах психического воздействия, как уже отмечалось, наряду с пропозицией, регу-

⁵³ Интересные соображения о значении и способах описания глаголов этого семантического типа содержатся в статьях: *Л. Н. Иорданская.* Попытка лексикографического толкования группы русских глаголов со значением чувства. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 13. М., 1970; *F. Bowers.* The structure of affective sentences in English. «Linguistics», 1972, N 86. Анализ синтаксических свойств глаголов чувства см.: *Л. М. Васильев.* Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. «Очерки по семантике русского глагола». Уфа, 1971.

лярно занимают антропонимы⁵⁴. Как и в случае с собственно логическими (межсобытийными) предикатами, подобное чередование объясняется тем, что в семантике названных глаголов происходит взаимодействие логического (межсобытийного) и интерсубъектного (межпредметного) значений. Комбинация этих двух категорий в семантике глагола связана с тем, что человек склонен искать источник своих эмоций (шире — психических состояний) не только и не столько в объективной ситуации, сколько в других людях. Так, наряду с логикой, устанавливающей законы правильного развития мысли, в языке отражается житейская логика, устанавливающая стереотип человеческого мышления и поведения. Именно этой последней руководствовался Печорин в известном рассуждении: *Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости?* (М. Лермонтов).

Тенденция к личностной ориентации многих эмоций объясняется следующим механизмом человеческой психики. Хотя поводом для обозленности или раздраженности человека могут быть самые разнообразные обстоятельства, в том числе безличные и неопределенно-личные, но сорвать злобу (т. е. удовлетворить гнев, раздражение) можно только на другом лице: человек сводит счеты с людьми, а не с событиями. Ср. *Но мужчина не должен и не может забывать и прощать, — сказал он [князь Андрей] и, хотя он до этой минуты не думал о Курагине, вся невысеченная злоба вдруг поднялась в его сердце* (Л. Толстой). Механизм поиска виновного или «козла отпущения» лежит в основе мести, как, впрочем, и прощения.

Колебания в природе психических состояний (их ориентация то на события, то на лицо, или, реже, на предмет)

⁵⁴ Некоторые авторы соотносят каузативы прежде всего с личным субъектом. «Предикаты каузации, — пишет Т. Б. Алисова, — подобно предикатам неактивного относительного признака, связаны обычно с субъектом-лицом, но в отличие от последних в своей исходной (не преобразованной) форме требуют обязательного оформления семантического субъекта в виде подлежащего, т. е. не имеют одноличных моделей» и далее: «Субъект-лицо в каузативных моделях выступает не только как активный, т. е. совершающий намеренное целенаправленное усилие («работу»), но как вызывающий — прямо или косвенно — определенные изменения в признаках объекта» (Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, стр. 98).

определенным образом отражаются и на «грамматике чувств». Семантическая двойственность глагола оборачивается его синтаксической двойственностью. Последняя выражается не только в возможности чередования в субъектной позиции конкретной и событийной лексики (*его грубость рассердила меня; он рассердил меня*), но и в возможности совмещения в одной конструкции имени лица и названия события (*он рассердил меня своей грубостью*). Имя лица, удовлетворяющее интерсубъектному компоненту значения глагола, занимает место подлежащего, а в положении орудийного дополнения находится имя события, отвечающее логическому компоненту значения предиката и превращающее инструментальную синтаксическую функцию в каузальную. Причина тем самым раздваивается на лицо-виновника и событие-причину. При глаголах психического воздействия понятие лица-виновника преобразуется в понятие о б ъ е к т а чувств, той мишени, которая принимает на себя рикошет эмоций, вызванных событийным раздражителем.

Итак, за синтаксическим различием между субъектной и инструментальной позицией стоит содержательное различие между причиной чувства и его объектом⁵⁵.

Заполнение каузальной позиции при личностном субъекте не происходит регулярно, а иногда даже избегается. Так, если значение глагола не предполагает указания на лицо-виновника, то личностный субъект служит «чистым» субститутутом пропозиции, т. е. занимает с ней одно синтаксическое место. Ср. *Она тревожит (беспокоит) меня — ее болезнь (настроение, состояние) тревожит меня*, при некорректности **Она тревожит (беспокоит) меня своей болезнью (состоянием, настроением)*. Сделанное наблюдение больше всего касается глаголов чувств, не вызывающих ситуации «возмещения» (мести, награды, бла-

⁵⁵ На недопустимость смещения причин и объектов эмоциональных состояний, порожденного привычным словоупотреблением, указывал Л. Витгенштейн: «Следует различать объект страха и причину страха. Так, лицо, внушающее страх или доставляющее удовольствие, не есть, в силу этого обстоятельство, причина чувства, а скорее можно было бы сказать, есть его целенаправленность (*ihre Richtung*)» (*L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1967, стр. 135, § 476*); см. также «Типология каузативных конструкций». Л., 1969, стр. 7; *D. A. Cruse. A note on English causatives. «Linguistic inquiry», 1972, v. III, N 4.*

годарности и пр.), т. е. не требующих интерперсональных акций.

Хотя субъектом глаголов психического воздействия в равной мере могут быть имена лиц и обозначения событий и объяснение этому явлению можно найти в природе человеческой души, правомерно поставить лингвистический вопрос о том, для какой из названных семантических категорий данная функция является первичной.

Выше уже говорилось, что максимальное соответствие лексического типа слова его синтаксической позиции является в семантической полноте результирующего высказывания, которое в этом случае не вызывает в адресате ощущения смысловой «недоимки». Употребление имен лица в роли субъекта предикатов психического воздействия, хотя и воспринимается как вполне закономерное, однако при незаполненности инструментальной позиции часто создает информативно неудовлетворительные предложения. Ограничение актантной рамки именем лица ведет к недостаточной эксплицитности высказывания: глагол как бы «сулит» больше сведений, чем те, которые содержатся в его окружении. После сообщения *Петя огорчил (обрадовал, опечалил и пр.) меня* закономерно задать вопрос «Чем же?», т. е. потребовать заполнения каузальной позиции.

Меньшая эксплицитность имени лица, сравнительно с обозначением его свойства или действия иногда частично восполняется качественной или функциональной номинацией субъекта. Ср. *Этот леун (лентяй, грубиян, нахал, наглец, клязник и пр.) возмутил всех; Этот артист (пианист, художник, оратор и т. п.) произвел на всех большое впечатление*. Если имя лица связано с устойчивыми коннотациями, то вопрос о причинах того или другого эмоционального состояния, им вызванного, излишен. Ср. *Достоевский (Качалов, Микельанджело и т. п.) потряс меня до глубины души*. Задавая после такого предложения причинный вопрос, адресат обычно обнаруживает им желание возразить или поспорить.

В подтверждение того, что для глаголов эмоционального воздействия первичен событийный, а не конкретно-предметный субъект, можно привести следующие соображения.

Получая личностный субъект, глаголы эмоционального воздействия не приобретают, однако, значения сознатель-

ной, целенаправленной акции, что, как правило, характерно для агентивных глаголов, т. е. для глаголов, рассчитанных на субъект-лицо. Предложение *Петр порадовал (удивил, огорчил и пр.) своих родителей* ничего не сообщает о намеренной направленности его поступков на эмоциональную реакцию со стороны родителей, которая может представлять собою нежелательный побочный эффект. Нарочитость воздействия обычно специально оговаривается. Ср. *Он нарочно злит меня*. Иногда для обозначения намеренного поступка существует особый глагол (ср. *задабривать, запугивать*).

В качестве косвенного доказательства того, что субъект глаголов типа *огорчить, обрадовать, опечалить* соответствует, прежде всего, пропозиции или событийному имени, а не обозначению лица или предмета, можно сослаться еще и на следующие факты. Прилагательные с нейтральным залоговым значением, соотносительные с каузативными глаголами (*печальный, радостный*), могут определять обозначения как события, так и лица, т. е. обе категории имен, заполняющие субъектную и объектную позиции глагола. Из предложения *Это событие обрадовало мальчика* можно вывести два определительных словосочетания — *радостное событие* и *радостный мальчик*. Если в позиции субъекта заменить имя события именем лица, то из полученного предложения можно вывести только одно определительное словосочетание. Ср. *Мать обрадовала мальчика* → *радостный мальчик*, но не *радостная мать*. Прилагательные типа *радостный, печальный* неприложимы к имени лица в роли каузатора эмоционального состояния: *радостная мать* будет всегда понято в объектном смысле. Они, однако, могут приобретать активное залоговое значение в сочетании с обобщающей событийной лексикой. Ср. *радостное событие (происшествие, известие, радостная новость (встреча))*.

Еще более очевидно вытекает событийная ориентация каузативных глаголов из того факта, что многие прилагательные с активным залоговым значением, соотносительные с глаголами эмоционального воздействия, могут сочетаться только с событийными именами, но не с именами лица. Ср. *огорчительное, возмутительное, нервующее, удивительное, волнуемое, потрясающее происшествие* при некорректности *возмутительная девушка, огорчительная домработница*.

Хотя мы часто ищем причину нашего раздражения в других людях (ср. *дети раздражают своих родителей*), хотя, обобщая раздражающие факторы, их называют *раздражителями*, прилагательное *раздражительный* в соединении с именами лиц утрачивает активное значение, соответствующее субъектной (агентивной, каузативной) позиции имени, и получает объектное (страдательное) значение 'склонный к раздражению, легко раздражающийся, раздражимый'. Приведенный выше пример позволяет говорить о раздражительных родителях, но не о раздражительных детях. Некоторые сочетания активных прилагательных с именами лиц впрочем допустимы. Ср. *потрясающий скрипач, удивительный оратор*, и т. п. Это объясняется выделенностью в номинации лица «событийного», функционального аспекта. Присутствие в именах конкретного значения событийных коннотаций позволяет атрибутам второго порядка (т. е. атрибутам, характеризующим событийные имена) снизить свой ранг до атрибутов первого порядка (т. е. атрибутов, характеризующих конкретные, предметные имена). Ср. *возмутительная наглость* → *возмутительный наглец*, *замечательное пение* → *замечательная певица*, *удивительные лекции* → *удивительный лектор*, *редкая смелость* → *редкий смельчак*.

Если атрибуты второго порядка служат определением существительных, лишенных событийных коннотаций, то семантическая интерпретация такого сочетания требует обогащения значения имени функциональным или качественным компонентом значения. Так, *редкий человек* чаще всего прочитывается как 'человек редкой доброты или благородства'.

Получая возможность характеризовать имена конкретного значения (в частности имена лиц), атрибуты второго порядка, однако, проникают лишь в область определительных, но не предикативных синтаксических позиций. Это свидетельствует о том, что сочетаемость с конкретной лексикой вторична и возникла по аналогии с сочетаниями, опирающимися на событийное имя. Ср. *Эта наглость возмутительна; ее пение замечательно; его лекции были удивительны*, при некорректности: **этот наглец — возмутительный*; **эта певица замечательная*; **наш лектор удивителен*. В случае необходимости поставить коммуникативный акцент на определение, оно выделяется сред-

ствами актуального синтаксиса, но не может занять места грамматического сказуемого. Ср. *Певица она была замечательная; наглец он был возмутительный.*

Хотя атрибуты второго порядка образуют с конкретными существительными только определительные словосочетания, эти последние обычно выполняют в предложении предикатную, а не субъектную (идентифицирующую) функцию. Ср. *Нежданова была замечательная певица; Балалайкин был возмутительным лжецом.* Прилагательное в таких сочетаниях относится не к обозначенному именем денотату, а к его сигнификативному содержанию, чаще всего оказывая на него интенсифицирующее воздействие.

Прилагательные типа *удивительный, поразительный*, таким образом, получая возможность сочетаться с именами лиц и расширяя сферу своего функционирования, однако, не преобразуются полностью в предикаты первого порядка, характеризуемые отнесенностью к денотатам конкретных имен.

Итак, употребление пропозитивных номинаций в функции синтаксического субъекта может считаться первичным для глаголов психического воздействия. Однако обращает на себя внимание, что связь с событийным значением не у всех глаголов этой группы одинаково прочна.

Объединяя глаголы, рассчитанные на событийный субъект, анализируемая группа может быть подразделена на две количественно неравные категории: 1) глаголы собственно событийного типа, и 2) глаголы объектно-событийного типа.

Глаголы собственно событийного типа допускают в качестве своего субъекта обозначение любого — личного или безличного — события. Ср. *Капание воды (телефонные звонки, хлопанье дверей от ветра, скрип полов и пр. безлично-событийные факторы) раздражает меня; завывание ветра напугало детей; шум моря многих успокаивает.* К этой категории относится большинство глаголов психического воздействия: *раздражать, смущать, удивлять, изумлять, подавлять, забавлять, досаждать, огорчать, волновать, тревожить, развлекать* и др.

Возможность использования безличных и неопределенно-личных пропозиций в качестве субъекта глаголов этой группы с очевидностью свидетельствует о том, что их

субъектная позиция предназначена прежде всего для пропозитивных номинаций.

Как это ни парадоксально, возможность употребления в позиции подлежащего имен конкретно-предметного значения свидетельствует о «сильной» связи семантики глагола с событием. Выступая в функции субъекта, конкретная лексика служит окказиональным субститутотом пропозиции, не занимая в строе предложения отдельного, независимого от обозначения каузирующего события синтаксического места. Это легко подтвердить тем, что при личностном субъекте экспликация событийной причины естественна, а иногда и необходима. Ср. *Дети раздражают его своими бесконечными вопросами; Гости утомили нас разговорами.* При предметном субъекте заполнение каузальной позиции невозможно. Ср. некорректность следующих предложений: *Ножи раздражают меня своей тупостью. Ковры утомляют выбиванием их.* Таким образом, имени лица принадлежит в структуре этих предложений особое место, оно выделено в самостоятельную позицию. Имена предметов, напротив, занимают одно место с пропозицией, выступая как субститут этой последней. Ср. *Нож (тупость ножа, тупой нож) раздражает меня. Ковер (выбивание ковра) утомляет.*

Это объясняется тем, что предмет может восприниматься как причина события, но не как его виновник. Понятие ответчика применимо к лицам, но не к предметам.

Хотя имя лица при глаголах этой группы имеет тенденцию к получению самостоятельной синтаксико-семантической функции, ориентация их значения на объект не ярко выражена. Это подтверждается тем, что некаузативные глаголы, соотносимые с ними, избегают употребления с дополнением, указывающим на лицо-объект чувства. Ср. неловкость таких форм, как *радоваться на кого-либо, волноваться о ком-либо.* В целом дополнения при глаголах этого типа не имеют стабильной формы: *раздразниться на кого-либо, волноваться за кого-либо (о ком-либо), радоваться за кого-либо (кому-либо), смущаться (?), огорчаться (?)* и т. п. Не вполне устойчива и семантика личностного дополнения: *радоваться кому-либо, радоваться за кого-либо, не нарадоваться на кого-либо.*

Глаголы этой группы обозначают психическое состояние, вызванное вполне конкретным событием — агентивным или безличным, но не направленное на каузатора

лицо, не перерастающее или не до конца перерастающее в интерперсональное отношение, устойчивое или преходящее.

К разряду объектно-событийных глаголов относятся прежде всего предикаты со значением каузации эмоций отрицательного плана: *гневить, сердить, злить, обижать* и под. Личностная направленность обозначаемых этими глаголами чувств отражает ситуацию желания выместить на ком-либо свое неудовольствие.

Чтобы сделать более очевидным различие между собственно событийными и объектно-событийными глаголами, представим себе следующее положение дел. Если посетителю подали в ресторане несъедобную отбивную, он может сказать «Отбивная вызвала у меня крайнее раздражение», но гнев его обратится против повара или официанта, а не против отбивной. «Отбивная рассердила (разгневала) меня» или «Я рассердился (разгневался) на отбивную» — едва ли корректные высказывания. Глаголы эмоционального состояния, соотносимые с названными каузативными глаголами, принадлежат к объектному типу и имеют стандартизованное дополнение: *сердиться, гневаться, злиться, обижаться на кого-либо*. Место объекта не может занимать при них имя предмета. Нельзя сердиться на пишущую машинку или гневаться на застрявший лифт. Такие глаголы семантически близки к интерперсональным.

В этом разряде, впрочем, выделяется группа глаголов, значение которых, имея прочную связь с объектом, ориентировано в равной степени на лицо или предмет: *восхищать, восторгать, поражать*. Эти глаголы допускают экспликацию причины и при личностном, и при предметном субъекте. Ср. *Мальчик поразил меня своей смелостью* и *Горы поражают своей величественностью*. Некаузативные корреляты этих глаголов объектны: *восхищаться кем/чем, быть в восторге от кого/чего*. Глаголы этого типа выражают более или менее устойчивое субъектно-объектное отношение, т. е. отношение лица к некоторому объекту — лицу или предмету.

Итак, состав глаголов психического воздействия неоднороден. Смыкаясь одним своим краем с межсобытийными предикатами, они другим своим флангом граничат с глаголами межобъектного типа, обозначающими отношение лица к другому лицу или, реже, предмету.

Наряду с логическими и качественно-логическими глаголами семантическим колебаниям, а следовательно, и альтернации имен лица и обозначений событий, подвержена часть интерперсональных глаголов, в первую очередь те из них, которые содержат в своем значении компонент рассудочной или эмоциональной оценки.

Часть интерперсональных глаголов открывает своей валентностью синтаксическую позицию для экспликации причины отношения. Обычно указание на причину вводится предлогом *за*. Ср. *Потомок служил в земстве. Был человек средний, тихий; в городе его уважали за несовкостъ выше других* (К. Петров-Водкин). Применительно к таким глаголам можно говорить о передвижении обстоятельства причины в позицию прямого дополнения. Ср. *Я уважаю его за его принципиальность* → *я уважаю его принципиальность; старик презирает их за мелочность и скупость* → *старик презирает их мелочность и скупость*. Приведенные предложения, впрочем, не всегда представляют собой семантические эквиваленты. Так, из высказывания *Я ненавижу ее болтливость* едва ли правомерно выводить суждение *Я ненавижу ее за болтливость*.

Отношение к «глобальной» личности не равноценно отрицанию, неприятию или, напротив, одобрению некоторых свойств человека. Замена имени лица обозначением его свойства при интерперсональных глаголах отражается на их семантике. Любопытно заметить, что не все глаголы межсубъектных отношений допускают «расщепление» личности, т. е. выражение отношения только к ее определенному аспекту, одному отдельно взятому свойству. Так, по-видимому, глагол *ненавидеть* обозначает отношение к целиком взятой личности, распространяющееся на человека как некоторое психо-физическое единство. Когда говорят *Я ненавижу твою медлительность (неловкость, леность и пр.)* глагол имеет другое значение, относится к иному по своей природе чувству.

Напротив, отношение, обозначаемое глаголом *нравиться* касается только определенного свойства личности. Ср. *Мне нравится его решительность (твердость, стойкость, мужество и пр.); мне в нем не нравится самоуверенность (нахальство, грубость и т. п.)*. Глагол *нравиться* в предло-

жении *Эта девушка мне нравится* обозначает слабую степень любви, увлеченность, т. е. имеет другой смысл. Глаголы чувства, допускающие «разложение» личности на компоненты, тяготеют к событийной ориентации, так как обозначаемая ими эмоция (или эмоциональное отношение) связывается лишь с определенными проявлениями личности, которые не всегда перерастают в основание для вполне однозначного отношения к самой личности.

Если предложение, содержащее интерперсональный глагол выражает общее суждение, т. е. объект глагола имеет референцию к классу лиц, то замена имени класса обозначением свойства, создающего данный класс, не меняет значения предложения. Ср. *Не люблю невежд — не люблю невежества; презираю лентяев — презираю леность; уважаю благородных людей — уважаю благородство.*

Некоторые интерперсональные глаголы не имеют регулярной валентности для обстоятельства причины. Альтернатива имен лица и отвлеченных номинаций, следовательно, не связана в этом случае с перемещением имени из периферийной позиции в более центральную. Ср. *Я завидую ему — я завидую его таланту*, при некорректности **Я завидую ему за его талант*. Вытеснение личностного объекта событийным свидетельствует о том, что речь идет об «обезличенном», не направленном эмоциональном состоянии, а следовательно, и о сдвиге в семантике глагола: *завидовать чьему-либо таланту* значит 'хотеть иметь талант, подобный тому, который имеет данное лицо'. Чувство зависти в этом смысле, по-видимому, не предполагает дурного отношения к носителю желанного таланта. Глагол *завидовать* в этом втором значении не принадлежит к интерперсональному типу.

Таким образом, чередование имен лица и качественных номинаций при интерперсональных глаголах отражается на их значении.

К интерперсональным глаголам примыкают глаголы словесного выражения отношения: *шутить, глумиться, издеваться, изыматься, подтрунивать (над кем-либо), вышучивать, высмеивать, позорить, осуждать, хвалить, превозносить, критиковать, унижать, льстить* и пр. Для этих глаголов первична личностная ориентация. Мишенью шуток, насмешек, издевок, подковырок и пр. бывают именно люди, а их свойства или поступки служат для этого лишь причиной (или поводом) и часто остаются

в высказывании неразъясненными. Ср. *Он всегда издевается над всеми.*

Рассматриваемая группа глаголов обозначает интерперсональные отношения, выражаемые словами или «символическими» поступками: такими, как соблюдение или несоблюдение конвенции, декорума, социального этикета. Приравненность символики поведения к «вербализованному» отношению раскрывается в следующем рассуждении одного из персонажей «Современной идиллии»: *Это быстрое появление и исчезновение очень больно укололи меня. Мне показалось, что в переводе на язык слов этот факт означает: я не должен был сюда приходить, но... пришел. Во всяком случае я хоть тем умалю значение своего поступка, что пробуду в сем месте как можно менее времени* и далее: *«Даже руки мне порядком на прощанье не пожал, а просто ручкой сделал, как будто говорил «готов я помочь, однако пора бы и тебе, Сахар Медович, понять, что знакомство твое — не ахти благостыня какая!»* (М. Салтыков-Щедрин).

Глаголы анализируемой группы, в отличие от глаголов спонтанного аффективного отношения, обозначают сознательные, целенаправленные действия, цель которых состоит в том, чтобы нанести урон чьей-либо репутации, задеть человека, либо, напротив, возвысить его. Для них, поэтому, первичен личностный субъект. Случайность должна оговариваться специально. Ср. *Он неволью (нечаянно) задел (обидел) меня.* Хотя эти глаголы и включают в свое значение компонент целенаправленности, намеренности, инструментальная позиция при них обычно остается незаполненной. Это объясняется тем, что их семантика уже задает способ достижения цели, каковым является словесный акт. Поэтому, при этих глаголах вместо инструментального дополнения могут быть локальные уточнители. Ср. *издеваться в статье (выступлении).* Локальные уточнители, подобно инструментальному дополнению, могут передвигаться в позицию субъекта. Ср. *Его слова (статья, речь, выступление) больно укололи меня.*

Хотя обычно альтернатива имен лица и пропозиции происходит только в субъектной позиции, возможны случаи, когда вытеснение личностных номинаций пропозитивными затрагивает оба приглагольных места. Ср. *Он уколол (задел) меня своим намеком — его намек уколол*

(задел) меня — его намек уколол (задел) мое самолюбие (мою гордость). Место объекта в подобных высказываниях занимает по-существу не пропозиция, а скорее указание на часть, компонент или аспект человека как психической личности. Ср. *Его слова ранили мою душу (сердце, совесть и пр.)*.

Несмотря на точки соприкосновения между интерсубъектными и межсобытийными глаголами, создающие возможность альтернации событийной лексики и названий лица, само это чередование развивается при них в противоположных направлениях: при «чистых» интерсубъектных глаголах позиции актантов предназначены прежде всего для имен лица, которые следует считать первичными по отношению к пропозитивным номинациям; в то время как при собственно логических предикатах (например, каузативной связке) позиции актантов предназначены в первую очередь для пропозитивных значений, т. е. соответствуют событийной лексике, которая в определенных условиях (если событие носит личностный характер) допускает замену антропонимами.

Выше были отмечены факты регулярного употребления событийных номинаций и антропонимов в одних и тех же синтаксических функциях при одних и тех же предикатах. Такое чередование подчиняется определенным принципам. Если глагол ориентирован на субъект, т. е. обозначает признак или действие субъекта, то чередование антропонимов и событийных номинаций происходит только в объектной позиции, поскольку значение глагола задает семантический тип субъекта. Ср. *Зрители восхищались Улановой (исполнением Улановой партии Жизель); мать гордится сыном (героическим поступком сына, героизмом сына)*. Если семантика глагола ориентирована на объект, т. е. в ней означены некоторые свойства объекта, то чередование пропозитивных и личностных номинаций допустимо только в субъектной позиции, поскольку смысл глагола задает семантический тип объекта. Ср. *Она встревожила меня / ее болезнь встревожила меня; Уланова восхищает зрителей / искусство Улановой восхищает зрителей*.

Если глагол допускает сосуществование в предложении имени лица и обозначения события, в первом случае пропозитивная номинация (она эксплицирует качества или действия объекта) чаще всего оформляется предло-

гами за или из-за (учитель похвалил детей за хорошее поведение), во втором случае пропозитивная номинация (она эксплицирует свойства или действия субъекта) занимает инструментальную позицию, переосмысляемую в каузальную (дети обрадовали учителя своими успехами).

Наконец, когда глагол не указывает своим значением на свойства актантов (субъекта и объекта), то чередование допускается обеими синтаксическими позициями. Ср. *Героизм отца повлиял на поступки мальчика — отец повлиял на мальчика; его инструкции помогли моей работе — он помог мне.*

* * *

В предшествующих строках было в очень общих чертах рассмотрено весьма неоднородное семантическое поле, границы которого образуют глаголы межсобытийного и интерсубъектного значений. В наши задачи не входило полное описание семантики и сочетаемости групп глаголов. Наша цель состояла в том, чтобы обратить внимание на некоторые семантико-синтаксические процессы, протекающие в этом смысловом ареале и приводящие к альтернации в одной синтаксической позиции антропонимов и пропозитивных номинаций. Эти процессы обусловлены такими явлениями, как перенос эмоций ad hominem, дифференциация понятий причины и объекта чувств, отчуждение от личности ее «идеальной продукции», переосмысление цели действия в его объект, сближение понятия класса предметов с понятием признака класса и др. Большинство названных явлений вызывает разные формы взаимодействия причинного и объектного значений, каждое из которых то приближается к глаголу, то от него отдаляется.

В заключение уместно напомнить, что механизмы синтаксиса тесно связаны с механизмами психики, и их изучение может пролить свет на некоторые вопросы, относящиеся к природе чувств и психических состояний — области, познанием которой человек во многом обязан языку.

Если бы мы теперь захотели дать определение тому значению, какое приобретают имена лиц, попадая в семантическое поле охарактеризованных групп глаголов, то, вероятно, правильнее всего было бы сказать, что это значе-

ние в субъектной позиции колеблется от указания на серию объективных (внешних) и субъективных (внутренних) событий, скрепленных единством агента до указания на виновника, несущего ответственность за свои акции.

Типы каузативных глаголов

Многие из рассмотренных выше межсобытийных глаголов, а также все глаголы, условно названные качественно-логическими, относятся к группе каузативов, т. е. включают в свое значение компонент каузации. Их анализ, поэтому, не был бы полным без обращения к некоторым общим вопросам, связанным с лингвистической категорией каузативности. Рассмотрение синтаксических механизмов каузации также позволит подойти с новой стороны к явлению взаимодействия имен лица и обозначений событий в структуре предложения и глубже понять его закономерности.

В некоторых теориях, в особенности в так называемой генеративной семантике, допускающей расщепление значения слова в синтаксическом анализе, все виды каузативных предикатов выводятся из единой глубинной структуры, в которой элемент *cause* соединяет имя лица или пропозицию с обозначением другой, каузируемой, пропозиции. К этой структуре сводят не только каузативные перифразы и глаголы, в которых каузативный компонент имеет выход в синтаксическую сочетаемость, но и так называемые скрытые каузативы: глаголы с «действующим» объектом (*кормить, поить*) и глаголы с предметным дополнением (*класть, ломать, зажигать, растягивать* и пр.)⁵⁶.

⁵⁶ Тенденция рассматривать переходные глаголы в ряду других каузативов, по-видимому, возникла в лингвистике под влиянием обсуждения проблем каузальности в философии. Факты, которые принято обозначать в языке переходными глаголами, иногда считаются в философии наиболее очевидными случаями отношений причинности. М. Блэк, например, в качестве парадигматического примера, эталона неоспоримой каузативной ситуации (*making something happen*) приводит процедуру выпивания стакана пива, каузирующую пиву «не быть» (или, если придерживаться закона сохранения материи, то быть в другом месте). См. *M. Black. Models and metaphors. Ithaca, N. Y., 1962, стр. 157—158.*

Семантическая деривация переходных глаголов, наряду с другими каузативными предикатами, из одной, общей для всех них, глубинной структуры, вызвала в последнее время ряд критических откликов, авторы которых указывали на семантическую и синтаксическую неэквивалентность переходных глаголов и аналитических каузативов, а следовательно, неединственность глубинного элемента *cause* ⁵⁷.

Д. Круз ⁵⁸ показал, что английские переходные глаголы (так называемые скрытые каузативы) существенно отличны в своем синтаксическом поведении от соответствующих им каузативных перифраз. Эти различия указывают и на различия в значении. Круз выделил три типа двуместных лексических каузативов: 1) глаголы каузации требованием (*causation by command*); 2) глаголы каузации непосредственным физическим действием; 3) глаголы каузации эмоций.

Глаголы первой группы имеют агентивный объект и агентивный субъект. Ср. *John marched the prisoners* Ни позиция субъекта, ни позиция объекта не могут быть замещены событийными именами, а также именем предмета. Ср. **The floods marched the prisoners. *John flew the sparks*. Соотносительная открытая каузативная конструкция однако допускает подобное употребление. Ср. *The floods caused the army to march. John caused the sparks to fly*.

Вторая группа глаголов имеет в качестве своего объекта имя, обозначающее неодушевленный предмет. Ср. *John turned the picture*. Поскольку речь идет о каузации прямым физическим действием, дополнение глагола не может быть выражено именем нематериального предмета. Ср. **John turned the shadow*. При открытом (перифрастическом) каузативе такое употребление не составляет отклонения от нормы. Ср. *John caused the shadow to turn*. Глаголы физической каузации не допускают также замены агентивного субъекта абстрактным именем, которая возможна при открытом каузативе. Ср. **The power failure*

⁵⁷ В. Hall Partee. On the requirement that transformations preserve meaning. «Studies in linguistic semantics». N.Y., 1971, стр. 7—8. О семантических различиях между итальянскими синтетическими и аналитическими каузативами см.: Т. Б. Аллисова. Указ. соч., стр. 102 и сл.

⁵⁸ В. А. Крузе. Указ. соч.

melted the ice и The power failure caused the ice to melt. Наконец, группа глаголов прямого физического действия не терпит никаких «посредников» в осуществлении каузации. Ср. *John opened the door by persuading Bill to turn the handle and push.

Глаголы каузации эмоциональных состояний также отличны от соответствующих перифраз. Предложение The doctor frightened Mary by giving her an injection имеет лишь одну интерпретацию, относящую испуг Мери за счет воздействия на нее врача (но не инъекции). Соответствующая этому предложению каузативная перифраза (The doctor caused Mary to become afraid by...) неоднозначна: кроме указанного прочтения, она допускает понимание, относящее состояние испуга за счет воздействия на организм Мери инъекции.

На примере анализа значения глагола to teach Д. Круз обосновывает также несинонимичность трехместных скрытых каузативов соответствующим им перифрастическим (открытым) каузативам. Автор приходит к выводу, что деривация скрытых каузативов из глубинной структуры с глаголом to cause потребовала бы расщепления этого последнего на три глагола каузации для двуместных каузативов и на четыре — для трехместных каузативов типа to teach.

Синтаксический анализ, целью которого является определение условий альтернативации *nomina agentis* и пропозитивных номинаций, требует прежде всего отделения открытых каузативов от скрытых, или синтетических. В первом случае, независимо от того, идет ли речь об одном глаголе или глагольной перифразе, значение каузативности имеет «выход» в синтаксическую сочетаемость, обеспечивая возможность употребления в позиции подлежащего обозначения каузирующего события. Во втором случае каузативный компонент значения «блокирован» с обеих сторон. Глагол поэтому лишен возможности сочетаться с номинацией пропозитивного типа и не допускает альтернативации в субъектной позиции имен лиц и обозначений событий. Предложение *Мать накормила ребенка* не может быть преобразовано ни в предложение **Слова (уговора, настояния) матери накормили ребенка*, ни в предложение **Мать накормила ребенка словами (уговорами, настояниями)*. Здесь язык неукоснительно следует принципу «словами сыт не будешь». Два реальных акта, осу-

ществляемых двумя разными лицами, представлены в приведенном предложении как одно событие, центром которого является предикат двойного механического действия.

Рассмотрим более подробно категорию скрытых каузативов. Эта группа может быть разбита на двухагентные и одноагентные предикаты. Двухагентные каузативы, содержат в своем значении указание на два события: *кормить* обозначает и 'давать пищу' (каузирующее событие) и 'принимать пищу (о другом агенте)'. Двухагентные каузативы соединяют между собою имена двух лиц — протагонистов двух событий. Ср. *Мать накормила ребенка*. Каузирующее событие, указание на которое присутствует в семантике глагола, осмысливается обычно в механическом плане. Поэтому, инструментальная позиция при глаголах этого типа, как отмечалось, не может заполняться указанием на способ морального воздействия. В ответе на вопрос *Чем кормить?* может фигурировать либо имя «орудия» кормления (*кормить с ложки, ложкой*), либо имя объекта (*кормить кашей*), причем более естествен второй ответ. Орудийная позиция, таким образом, не имеет строго фиксированной семантической функции.

Глаголы физического воздействия на предмет (однагентные каузативы) хотя и могут быть отнесены к двухсобытийному типу с причинно-следственными отношениями между событиями, отличаются от предыдущей категории тем, что каузируемое событие скорее имплицитно, чем обозначается глаголом. В семантику глагола входит обозначение сознательного, целенаправленного (реже нечаянного) действия и его цели. Если действие оказывается эффективным, то оба события осуществляются, если оно своей цели не достигает, то второе событие может остаться нереализованным.

Поэтому, если перфективные формы глагола обозначают два реализованных события, то имперфективные обозначают лишь действие и его цель. Ср. *Я ломал (гнул) прут, да не сломал (согнул); он откупоривал бутылку, да не откупорил*. Между тем глаголы типа *кормить* и в совершенном и в несовершенном виде неприменимы к ситуациям, в которых целевое действие остается нереализованным. Предложение *Петр кормил мальчика, да не накормил* может означать только, что

мальчик не наелся досыта, но оно не может значить, что мальчик не притронулся к пище, т. е. не осуществил каузируемого действия. Совершенно аналогично предложение *Друзья так и не напоили Андрея* означает, что Андрей сохранил трезвость, но предполагает, что он все же пил.

Некоторые прямо-переходные глаголы русского языка могут употребляться в том значении, которое обычно свойственно каузативным перифразам, разделяющим функции инициатора и исполнителя действия. Предложения *Он сшил себе новый костюм; Они выстроили себе дачу; Он вылечил (вставил) себе зубы; Мы сделали у себя ремонт* и пр. обычно не предполагают, что исполнителем действия было лицо, обозначенное в субъекте глагола. В этом случае одноактантная модель используется для обозначения двухагентной ситуации.

Итак, скрытые (двухагентные и однагентные) каузативы содержат показатель межсобытийных отношений глубоко запрятанным в свое лексическое значение⁵⁹, вследствие чего логический элемент не может оказывать влияния на актантную рамку этих глаголов и ее возможные модификации. Иными словами, он лишен синтаксической релевантности.

Оба рассмотренных типа глаголов синтезируют в своем лексическом значении указания на два события (две акции, два предиката) и связывающие их отношения каузативности, оставляя за пределами своей семантики имена двух актантов — участников ситуации. Для глаголов первой группы это два лица. Для глаголов второй группы это лицо и предмет (или неактивное лицо).

Обратимся теперь к предикатам, в которых значение каузативности имеет внешний выход. Эта группа глаголов и глагольных перифраз неоднородна по своему семантическому объему.

Глаголы аффективного воздействия на лицо, анализ которых был дан выше, включают

⁵⁹ Обсуждая глубинную структуру английских переходных глаголов, Н. Хомский настаивает на том, что каузативность составляет их внутреннее лексическое свойство, а не «внешнюю» по отношению к каузируемому событию категорию. Для предложения *John grows tomatoes* Хомский предлагает глубинную структуру *John [+ cause, grow] tomatoes*, а не *John [+ cause] [tomatoes grow]*. См.: *N. Chomsky. Remarks on nominalization. «Readings in English transformational grammar», 1970, стр. 215.*

в свое значение указание на логическое отношение каузативности и каузируемое событие (предикат), оставляя за своими пределами обозначение каузирующего события (предикат) и двух актантов. Эти глаголы, таким образом, трехвалентны. Ср. *Мальчик удивил Петю своим поведением.*

Глаголы воздействия на волю лица (*уговорить, упросить, приказать* и пр.) обозначают каузирующее событие (способ воздействия) и значение каузации, оставляя за своими пределами каузируемое событие и имена двух актантов. Они, следовательно, также трехвалентны. Ср. *Волк уговорил Красную Шапочку отворить дверь.* При этих глаголах четвертая, инструментальная, позиция, предназначенная для обозначения каузирующего события, остается нереализованной или заполняется указанием на «образ действия», т. е. уточняет, определяет тот способ воздействия, на который указывает семантика глагола. Ср. *Он уговаривал девочку ласковым голосом.* Глаголы типа *побудить, толкнуть на что-либо, удержать от чего-либо, заставить* обозначают только, или по преимуществу, значение каузации путем воздействия на волю лица, сознательного или непроизвольного. За пределами их семантики остаются обозначения обоих лиц и обоих событий. Эти глаголы в принципе четырехвалентны. Ср. *Петя взглядом удержал мальчика от грубого ответа.* Позиция каузирующего события (первого предиката) остается в этой конструкции однако факультативной (ср. *взглядом*).

Семантически полной (хотя и недостаточно эксплицитной) является конструкция, в которой реализованы три валентности глагола: *Петя удержал мальчика от грубого ответа.* Эти глаголы отличаются от предыдущей группы (тип *уговаривать*) тем, что в их семантику не включено указание на способ воздействия, т. е. на каузирующий предикат.

Глаголы первого и третьего типов допускают альтернативу событийных и личностных номинаций в позиции субъекта, глаголы второго типа такого чередования не допускают. Ср. *Мальчик (голос мальчика) удивил меня; Волк уговорил Красную Шапочку открыть дверь; Петя (взгляд Пети) удержал мальчика от грубого ответа.*

Глаголы типа *обусловить* включают в свое значение только указание на каузацию одного целостного, нерас-

члененного события другим столь же целостным событием, не открывая отдельных синтаксических мест для агентов соответствующих действий. Ср. *Неукрепленность тыла обусловила поражение армии*. Глаголы этого типа д в у х в а л е н т н ы, но каждая их валентность характеризуется семантической емкостью.

Между глаголами перечисленных четырех категорий нет жестких барьеров. Например, глагол *вызывать* обычно употребляется по четвертому (межсобытийному) типу, не расчленяющему каузируемое событие. Ср. *Грубый голос «бабушки» вызвал подозрение Красной Шапочки*. Однако он допускает и «расщепленный» (двупозиционный) объект. Ср. *Грубый голос «бабушки» вызвал у Красной Шапочки подозрение*.

* * *

Приведенная схематическая картина позволяет обратить внимание на то, что большую роль в формировании каузативных отношений играют два фактора: момент совместности или раздельности выражения двух предикатов (*накормить — заставить поесть — уговорить поесть*) и фактор синтетического или раздельного (целостного — расщепленного) представления каждого события.

Первый из названных факторов связан с противопоставлением механического действия и психического воздействия, при котором происходит разграничение ролей «вдохновителя» (инициатора, побудителя) действия и его исполнителя и, соответственно, двух событий: акта побуждения и акта осуществления. Далее, двухглагольные каузативные конструкции могут быть разделены на такие, у которых коммуникативный центр заключен в глаголе, обозначающем ту или иную форму воздействия (*просить, приказывать, уговаривать, умолять* и пр.) и такие, у которых основной семантический вес принадлежит второму члену конструкции, обозначающему цель каузации. Последние, по мере десемантизации глагола побуждения, приближаются к аналитическому каузативу⁶⁰. В русском языке процесс десемантизации коснулся сочетаний с глаголом *заставлять*. Ср. *Эти доводы заставили*

⁶⁰ Проблематика, связанная с аналитическим каузативом, рассмотрена в кн. В. П. Недялков. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив. Л., 1971.

меня одуматься. Словом сказать, опасность заставила нас окончательно позабыть, что нам предстояло только «годить», и по уши погрузила нас в самую гущу благонамеренной действительности (М. Салтыков-Щедрин); Это привело в стыд наших храбрецов и заставило их ободриться (Н. Гоголь).

Не менее существен для формирования каузативных конструкций фактор синтетического или расщепленного обозначения событий⁶¹. Это явление, важное для понимания многих построений, заключается в «экстракции» субъекта, получающего в строе предложения отдельную синтаксическую позицию. В основе его лежит схема предикативных отношений, разрывающих единство субъекта и предикатируемых ему атрибутов. Происходит увеличение синтаксических мест, образующих данную конструкцию, изнутри, за счет внутренних резервов.

Процесс раздвоения может коснуться обозначения как каузирующего, так и каузируемого события, хотя в том и другом случае он обладает определенной спецификой.

Расщепление субъекта на имя агента и обозначение его свойств или действий выносит это последнее в периферийную позицию, которая в принципе может остаться нереализованной. Конкретизация каузирующего события допускается семантикой глагола, но не занимает в предложении центрального места. Ср. *Ее отказ вынудил его уехать* → *Она вынудила его уехать своим отказом* → *Она вынудила его уехать*. При расщепленном обозначении каузирующего события предикат обычно сохраняет при себе показатель агента. Ср. *Она мучает всех с о о е й мнительностью*. Выделение агента в особую синтаксическую позицию, таким образом, не оставляет лакуны в обозначении события: его место занимает возвратное местоимение.

Раздвоение каузирующего события имеет своим следствием чередование в позиции подлежащего имени лица и пропозиции или событийной лексики. Субъект-лицо предполагает расщепленную (двупозиционную), субъект-пропозиция — целостную (однопозиционную) номинацию события.

⁶¹ О расщеплении валентностей см.: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, стр. 153—156.

Наряду с расщеплением субъектной номинации для каузативов характерен синтаксический разрыв при обозначении каузируемого события. Субъект действия как бы выделяется из события и приобретает в строе предложения обособленную (причем двойную — объекта воздействия и субъекта действия) функцию. Предикат каузируемого события в русском языке обычно выражается инфинитивом. Обе позиции являются обязательными. Опущение инфинитива обычно ощущается как контекстуальный эллипсис. При инфинитиве отсутствует показатель субъекта. В английской лингвистической традиции сочетание инфинитива с дополнением управляющего глагола принято называть *complex object*. Ср. *I made him drink some water* 'Я заставил его выпить немного воды'.

Предпочтение, отдаваемое каузативными конструкциями личностному объекту, свидетельствует об их промежуточном положении между *интерсубъектными* и *межсобытийными* глаголами. Замещение позиции каузатора именем лица усиливает их сходство с *интерсубъектными* глаголами. Напротив, употребление в этой функции имени нерасчлененного события или пропозиции сближает их с *межсобытийными* глаголами.

В целом формирование каузативных конструкций во многих европейских языках представляет собой яркий пример постоянного перекрещивания *интерсубъектной* и *межсобытийной* каузации, понятий лица-причины и события-причины, воздействия на лицо и прямой каузации события.

Для образования каузативов существенны: 1) тенденция к разделению двух событий — акта воздействия и акта осуществления и двух «амплуа» — инициатора и исполнителя (при действующем объекте); 2) тенденция к противопоставлению события-причины и события-следствия (при событийном субъекте); 3) тенденция к стяжению перифразы в аналитический эквивалент переходных глаголов (при предметном дополнении). Наряду с этими профилирующими тенденциями в общую картину развития каузативных конструкций могут входить и более частные противопоставления. Так, в испанском языке употребление возвратного каузатива от непереходных глаголов служит различению невольного, нечаянного действия и сознательной, преднамеренной акции. Ср. *El saub en la hierba*

‘Он упал на траву’ и *El se dejó caer en la hierba* ‘Он бросился на траву’.

Попробуем теперь свести воедино обрисованную выше картину каузативных отношений⁶². С точки зрения участия в каузативных отношениях лиц и событий могут быть выделены следующие типы глаголов, в семантику которых включен компонент каузативности: 1) классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчлененными событиями (*обусловить, привести к..., вызвать*); 2) личностные каузативы, представляющие некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого (*уговаривать, просить*); 3) личностные каузативы, представляющие событие как непосредственный результат действия некоторого лица (*сделать так, чтобы*); 4) событийные каузативы, представляющие событие как результат воздействия некоторой ситуации (личной или безличной) на агента действия или состояния (*дождь вынудил нас вернуться домой*); 5) «двуличные» каузативы, представляющие некоторое субъективное, психическое событие, как стимулированное некоторым лицом (*ободрять, убеждать*); 6) «двуличные» каузативы, представляющие связь двух агентивных событий механического действия (*кормить*); 7) событийные каузативы, представляющие некоторое психическое событие как стимулированное агентивным или безличным событием (*раздражать, успокаивать*); 8) личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий — агентивного и безагентного (*гнуть, ломать*).

Перечисленные типы глаголов, как отмечалось выше, в одних случаях включают в свою семантику обозначение обоих событий (*кормить*), в других — одного (каузирующего — *уговаривать*, каузируемого — *радовать*), в третьих — ни одного (*обуславливать*). Вхождение в значение глагола указания на одно из событий исключает чередование в соответствующей позиции имен лица и пропозиций.

⁶² Более полное освещение типов каузативных отношений и способов их выражения в русском языке дано в кн.: «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». М., 1969, стр. 16—17. — Ср. новую систематизацию каузативных глаголов в работе: Г. Г. Сильницкий. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Автореф. докт. дисс. Л., 1974.

Рассмотрение глаголов, в значение которых входит компонент каузации, позволяет прийти к следующему заключению: многоместные предикаты естественных языков не могут быть с точностью разбиты на логические порядки, поскольку в качестве их аргументов могут одновременно фигурировать как предметные, так и абстрактные (событийные) понятия. Такие глаголы реализуют по отношению к каждому аргументу подобающее его рангу значение — логическое по отношению к событию, качественное по отношению к предмету (лицу), увязывая в общий узел аргументы разных семантических типов.

Логическое правило, согласно которому непосредственные отношения могут соединять между собой только однотипные (однопорядковые) аргументы, т. е. либо имена предметов, либо имена событий, но не предметные и событийные понятия, к предикатам естественных языков, которые могут быть семантически неоднородны, неприменимо.

Наличие такого рода двойственных предикатов чрезвычайно затрудняет различение семантически простой и семантически сложной пропозиции, т. е. пропозиции одно- и двусобытийного типа.

Значение причинности, обычно выполняющее функцию периферийного (устраимого) члена предложения, соотносимого с пропозицией, при каузативных глаголах передвигается в более центральное положение обязательных приглагольных аргументов. Отношения, вообще говоря, характеризующие сложное предложение, внедряются в семантику предиката, преобразуя обстоятельство причины (соотв. придаточное причинное) в дополнение или подлежащее. В предложении *Я восхищаюсь его героизмом (тем, что он герой, тем, какой он герой)* «его героизм» составляет не только причину (стимул) восхищения, но и «содержание» эмоции. Причина поэтому не может рассматриваться по отношению к глаголам психического состояния и эмоционального воздействия как нечто внешнее⁶³. Ее роль здесь иная, сравнительно с причиной «объективных» событий. Это особенно хорошо видно, когда, передвигаясь в положение объекта при глаголах эмоций

⁶³ Т. Б. Алисова справедливо вносит в структуру простого предложения (собственно, простой пропозиции) функцию объекта-причины предикатов психической реакции. (Т. Б. Алисова. Структу-

(обычно эмоций, обращенных в будущее, связанных с будущими событиями), каузальная пропозиция начинает выполнять роль изъяснительного придаточного, а сам глагол чувства получает значение оценочного суждения, т. е. семантически сближается с глаголами интеллектуальной деятельности, выполняя в предложении роль эксплицитного модуса (ср. глаголы *надеяться*, *опасаться*, *бояться*), например: *Я боюсь войны — Я боюсь, что будет война — Боюсь, что будет война — Война, боюсь, будет — Война будет, боюсь*. Изменение значения выявляется, между прочим, в способности глагола сочетаться с придаточным в прошедшем времени: *Боюсь, что война уже началась*.

Если аффективные глаголы обнаруживают тесную связь с причиной-содержанием, а понятие цели для них нерелевантно в той мере, в какой речь идет о спонтанных переживаниях или произвольной каузации эмоций (ср. невозможность вопросов типа **Для чего ты рад?* или **Для чего ты восхищаешь нас?*), то сознательные агентивные действия, напротив, прежде всего характеризуются целенаправленностью, вследствие чего обозначающие их глаголы более тесно связаны с обстоятельством цели, нежели причины. Для этих глаголов типично передвижение в центральную позицию (т. е. в позицию семантически необходимого члена предложения) обстоятельств цели. Подобно тому, как причина эмоций одновременно составляет их наполнение, цель сознательной акции может сближаться с ее содержанием (ср. *хлопотать о получении пенсии*).

ра простого предложения в современном итальянском языке.
Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 11).